

Станислав ГУРИН

ВЫ ЗАКАЗЫВАЛИ УБИЙСТВО...

«Доступ открыт. Добро пожаловать, господин...»

ЛЮБИМЫЙ ДЕТЕКТИВ

Любимый детектив. Сделано в СССР

Станислав Гурин

Вы заказывали убийство...

«ВЕЧЕ»

2004

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2)6

Гурин С. А.

Вы заказывали убийство... / С. А. Гурин — «ВЕЧЕ»,
2004 — (Любимый детектив. Сделано в СССР)

ISBN 978-5-4484-5946-7

Это захватывающий детективный триллер о мистическом озарении, преступном бизнесе и мужестве настоящего человека – главного героя романа, секретного агента ФСБ Емельяна Стрешнева, который ради правды готов рискнуть всем. Сначала он помогает пилоту «Аэрофлота» Владимиру Степанову уничтожить подпольную лабораторию по производству запрещенных препаратов, располагавшуюся на берегу озера, в котором летчик во время подводной охоты обнаружил сбитый в 1944 году немецкий бомбардировщик «Юнкерс-87» с грузом золота. Затем разоблачает продажность и банковские аферы чиновников высшего ранга, а в дальнейшем распутывает чеченский след в торговле человеческими органами. В отличие от сказочного героя, Емеля добивается успеха благодаря своим выдающимся профессиональным навыкам, уму и физической подготовке...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-4484-5946-7

© Гурин С. А., 2004
© ВЕЧЕ, 2004

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	47
Глава 10	50
Глава 11	56
Глава 12	60
Глава 13	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Станислав Гурин Вы заказывали убийство..

Серия «Любимый детектив»

*Серия «Любимый детектив» была удостоена
Премии МВД РФ в 2018 году.*

Текст печатается по изданию: Гурин С. Вы заказывали убийство... М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004

© Гурин С.А., наследники, 2026

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2026

Часть первая

Пилот международных авиалиний

*...не убивай, кто же убьет,
подлежит суду.*

Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 21

*Не может дерево доброе
приносить плоды худые,
ни дерево худое приносить
плоды добрые.*

Евангелие от Матфея, гл. 7, ст. 18

Глава 1

Двухместный военный вертолет с кубинскими опознавательными знаками на боках летел вдоль северных берегов Кубы из Баракоа в Гавану. Ветер, пронзавший открытую кабину, не спасал от духоты и влаги. Пилот хотел содрать с себя комбинезон, выбросить за борт громоздкий неудобный шлем, но он стойчески уже третий год терпел и невыносимую жару, и раскаленное, кажется, до конца жизни повисшее над головой солнце, и быструю незнакомую речь, и чужой пейзаж, и многое-многое другое. Руки устало лежали на ручке управления, тусклые глаза безразлично смотрели в бледно-голубую даль. Полет благополучно подходил к концу.

Его пассажир, крепкий загорелый парень, которого он переправлял полгода назад из Гаваны в Баракоа, с любопытством смотрел вниз, иногда подносил к глазам бинокль, чтобы получше рассмотреть берег или показавшийся на горизонте корабль.

Как и полгода назад, на полпути, неподалеку от военной базы Нуэвита, во время дозаправки парня переодели: если тогда гражданский костюм сменили на форму кубинского лейтенанта, то сейчас вместо формы его нарядили в какие-то жалкие обноски. Лицо парня не выражало никаких эмоций, хотя ему тоже было жарко и скучно. Но пилот знал: парень наверняка летел домой, в Москву! И уже от этого ему было легче. За время полета и полгода назад, и сейчас они не обмолвились ни словом.

С небольшой высоты хорошо просматривались густо изрезанные берега, непроходимые болота и заросли мангров. Пилот сжал ручку и чуть-чуть сдвинул ее – машина послушно скользнула вправо, мористее, к бесчисленным островкам Сабаны, между которыми в голубом мелководье застыли коралловые лабиринты.

Емеля, так звали пассажира, видел в коралловых джунглях крупных рыб, скатов, останки затонувших кораблей. Вдали, выдавая свое движение белопенным шлейфом, тянулся к Гаване тяжело загруженный танкер. Емеля поднес к глазам бинокль: советский флаг, золотой серп и молот на красной каемке трубы, прикинул водоизмещение – шестьдесят тысяч тонн, задержал взгляд на стае чаек за кормой. Опустив бинокль, провел рукой по закрепленному за спинкой кресла кейсу, убедился, что тот на месте, никуда не делся. Полет продолжался уже почти три часа.

Впереди по курсу показался болтавшийся на якоре белый рыболовно-туристский катерок с двумя или тремя беззаботными пассажирами в купальных костюмах, а внизу, под самым брюхом вертолета, в изумительно голубой прозрачной воде, аквалангист перебирал руками дно и от рук поднимались мутные облачка потревоженного песка. Невольная зависть обожгла сердце Емели: ну почему кто-то, а не он со своей Любашей может так вот запросто плавать,

путешествовать, отдыхать? Вот они, парень и девушка на кормовой палубе! О чем они говорят? О любви, о счастье...

Внезапно вертолет потрянуло так, что и пилот, и Емеля едва не вылетели из кресел, привязные ремни затрещали и больно впились в живот и плечи. Машина яростно тряслась, и ее швыряло из стороны в сторону, она стремительно теряла высоту. Пилот иступленно вцепился в ручку управления, пытаясь удержать ее в нужном положении. Оставались секунды, доли секунд, когда все должно было кончиться!

Но судьба распорядилась иначе: тряска, вибрации, звон – все прекратилось так же внезапно, как и началось. Вода была так близко, что до нее можно было дотянуться рукой. Почти задевая брюхом волны, вертолет продолжал полет, двигатель работал уверенно и надежно.

Пилот отдышался, вытер рукавом с лица пот и смачно, от души выругался, потом набрал высоту и взял круто влево. Через десять минут он посадил вертолет на специальной площадке неподалеку от аэропорта Гаваны.

Когда заглох двигатель, пилот и Емеля какое-то время молча сидели в креслах, наконец пилот повернулся к Емеле и сказал:

– Бывай...

– Спасибо, капитан... – Емеля вытащил из-за спинки кейс.

Пилот снял шлем и шумно выдохнул воздух. Он был не так уж и молод, а форма кубинского капитана не так уж и шла ему.

– Домой? – спросил он, ступая на раскаленную бетонку. Емеля кивнул. – Привет Родине...

В тени молодых пальм Емелю ждала машина, представитель «Совэкспортфильма» Валентин Иванович Глазов уже шел ему навстречу.

– Загорели хорошо, а как работалось? – Он горячо тряс руку Емели и не скрывал удивления, рассматривая его одеяние.

– Хорошо работалось.

– Вы очень удачно прилетели! – Они садились в машину. – Сегодня последний съемочный день «Капабланки», и по этому поводу у меня будет маленький банкет! Режиссер, актеры... кто-то из посольства, кое-кто будет с кубинской стороны. Познакомитесь. Если захотите, сможете рассказать о своем сценарии. Кстати, хорошо бы сразу запустить еще один советско-кубинский фильм, поддержать, так сказать, удачное начинание. Насколько я понимаю, они хотят этого. Вчера я отправил в Госкино соответствующую депешу, но, думаю, подобные решения принимаются на более высоком уровне.

Встречаться с кинематографистами не входило в планы Емели, ибо никаким сценаристом он не был, а дело, которым он занимался неподалеку от американской военной базы в Гуантанамо, было прозаичнее и сложнее: он в числе других специалистов из Союза налаживал уникальную систему перехвата абсолютно всех радиопереговоров между кораблями ВМС США, атомными субмаринами и штабами США и НАТО, используя шесть спутников серии «Метеор», зависших над Северной Атлантикой. Работа была засекречена, и потому на Кубу он был командирован по линии Госкино в качестве сценариста, собирающего материал о кубинской революции.

– Кстати, и советник по культуре придет... Хочет встретиться с вами!

– Тогда уж и я приду, – сказал Емеля, ибо именно этому человеку он должен был передать материалы, лежавшие в кейсе. – А когда самолет?

– Все успеете, не волнуйтесь! Билет в кармане! – Глазов похлопал себя по груди. Емеля невольно глянул на карман белоснежной рубашки, но тот был пуст. – Я сам отвезу вас в аэропорт!

Емеля безумно устал. За полгода напряженной работы в непривычном климате, да еще с преодолением множества пиковых ситуаций, отсутствием нормальных бытовых условий, уста-

лости накопилось столько, что хотелось спать, спать и спать. Даже необходимость как следует отмыться от пота, пыли, гнуса отступала на второй план.

Машина на бешеной скорости приближалась к Гаване, в салоне бушевал тайфун, но жара и липота здесь были еще нестерпимее, чем в вертолете. Кончиками пальцев Емеля отдернул от тела пропитанную чужим и своим потом рубашку.

Глазов заметил это и улыбнулся.

– Потерпите немного.

На Кубе Глазов работал уже пять лет, а до этого столько же протрубил в Аргентине. Свободно владел испанским и португальским языками, несколько хуже английским, жена и дети – две прелестные девочки – делали его долгую заграничную жизнь вполне счастливой.

И хотя Куба практически ничего не покупала и не прокатывала из советских фильмов, Госкино не только держало там своего представителя, но и снимало для него небольшую виллу в аристократическом районе Ведадо. Друзей и знакомых у Глазова была уйма, с утра и до вечера он мотался по Гаване и ее окрестностям, часто на день-два вылетал в Южную Америку или Мексику, продвигая на латиноамериканский рынок советскую кинопродукцию; всегда был в курсе всех дел, хорошо был информирован о прошедших и будущих событиях. Для любого «совка», впервые командированного на Кубу, был совершенно незаменимым человеком. Круг обязанностей Глазова выходил за рамки представителя «Совэкспортфильма», но, похоже, это нисколько не обременяло его, во всяком случае улыбка никогда не сходила с его лица.

– Я и не спросил, как долетели?! Ненавижу вертолеты: шум, тряска – словно в барабане сидишь! – он засмеялся.

– Это точно! – согласился Емеля, чтобы как-то поддержать разговор. – И трясет, и шумит!

– Ничего, скоро отдохнете! Постараюсь, чтобы у меня вам не скучно было!.. Я ведь едва успел встретить вас! Думал, вообще не смогу приехать!

– Что-то случилось?

– Сегодня в оперном театре снимали последние сцены «Капабланки»... И вдруг пожар! И никто не знает, как это произошло! Вспыхнула огромная шелковая кулиса, вся сразу, снизу доверху, у всех на глазах! Без всяких причин, представляете?! Слава Богу, все кончилось благополучно – только одна эта кулиса и сгорела, но паники, шума сколько было! Помимо пожарных понаехала вся милиция, несколько грузовиков командос, театр оцепили, никого не выпускали! В общем-то, я и сейчас не знаю, чем все кончилось, вечером услышим из первых уст... Но главное – успел встретить вас.

Глазов остановил машину на тихой зеленой улице напротив неприметного одноэтажного здания – валютного супермаркета, достал из бардачка кожаную папку, вручил Емеле пачечку долларов и попросил расписаться на заранее подготовленной бумаге.

На покупку необходимой одежды и подарка Любаше ушло не более десяти минут, а еще через несколько минут Емеля мылся в душе своего поднебесного номера в пятизвездочном отеле «Гавана Либре», бывшем «Гавана Хилтон».

Краны были открыты до отказа, тугая струя била в лицо, грудь, спину. Емеля намыливал тело не меньше десяти раз, и не меньше десяти раз менял обжигающе горячую струю на холодную и все никак не мог насытиться переполнявшим его блаженством. Наконец закрыл воду, вытерся жестким махровым полотенцем, обтер забрызганный водой кейс и вышел с ним из ванной комнаты. Приятная прохлада омывала голое тело, приятно подгибался под голыми ступнями тугой ворс ковролина. Он остановился перед большим зеркалом и рассмеялся: темно-коричневая, задубевшая от солнца голова с длинными густыми лохмами и небритыми щеками была нелепо приставлена к бледному телу. Он потянулся и слегка повернулся перед зеркалом, чтобы увидеть спину и бока. Улыбка сошла с лица. В общем-то все было в норме.

Он развязал коробку с покупками. Медленно, испытывая наслаждение, надел белые трусики из добротного плотного трикотажа, белую рубашку, светло-серый костюм, толстые мяг-

кие носки, элегантные замшевые туфли и снова подошел к зеркалу. Причесался. В зеркале он увидел другого человека! Долго смотрел ему в глаза, потом подмигнул и улыбнулся. Человек в зеркале дружески ответил ему тем же.

Впервые за полгода Емеля чувствовал себя комфортно. Даже сон и усталость отступили на второй план. За стеклянной стеной виднелись крыши домов, океан, и ему захотелось выйти на балкон, он раздвинул прозрачные створы и сделал всего лишь шаг, даже не сделал – нога застыла, едва оторвавшись от пола, – он ударился о стену душного, липкого, раскаленного воздуха! Комфорт пропал мгновенно. Емеля сдвинул створы прозрачной стены.

На далеком горизонте виднелись серые облака, в апартаментах тихо и ровно гудели невидимые кондиционеры – это и был тот самый комфорт за двести долларов в сутки, что в Союзе совсем бесплатен. Зазвонил телефон, Емеля не сразу увидел его.

– Вас слушают, – сказал он по-испански.

– Кто у телефона? – услышал он русскую речь. – Я прошу пригласить к аппарату Стрешнева!

– Я вас слушаю... Представьтесь, пожалуйста.

– С вами говорит советник по культуре Обухов из посольства Советского Союза.

– Очень приятно, товарищ Обухов...

– Говорят, вы закончили сценарий на кубинском материале. Мне очень интересно с ним познакомиться. Не были бы вы так любезны...

– Да-да... Я вас понял... Сценарий хоть и вчерне готов, но я с удовольствием дам вам его почитать, может, что-то подскажете? Вы давно на Кубе и хорошо знаете ее!

– Большое спасибо! Вы ведь будете на вечеринке у Глазова? Там все киношники тусуются сегодня!

– Договорились!

– Вот и отлично! – В трубке послышались гудки. Емеля сел в кресло и положил на колени кейс. Прежде чем открыть его, он осторожно вытащил из уголка рукоятки совершенно неприметный предмет – крохотный кубик с пружинистым волоском, внимательно осмотрел его со всех сторон, как бы любясь, затем так же осторожно вложил на прежнее место. Это был радиомикрофонный чип, своего рода сторож, позволявший через обычный портативный приемник слушать все, что происходит в непосредственной близости от кейса: разговоры, шаги и, уж конечно, попытки взлома или прикосновения, Емеля проверил содержимое кейса – папка была на месте, сургучные печати тоже.

По кабельному телевидению – роскоши пятизвездочных отелей – шел боевик с Крисом Кристофферсоном. Фильм то и дело прерывался рекламами, приглашавшими в заманчивые путешествия и экскурсии по Кубе. Внезапно на экране появился белый катерок, точно такой, какой Емеля видел в последний миг перед инцидентом с вертолетом. «Кубатур» приглашал валютных иностранцев принять участие в «Хемингуэй-марине» – рыболовно-морском шоу, где никто, даже новички, ни разу не державшие в руках спиннинга, никогда не возвращались без хорошего улова! И при этом со всех сторон показывали белоснежный катер с креслами на корме и счастливых молодых людей с небывалым уловом.

Емеля не заметил, как похолодела спина. Ведь его могло уже не быть! По всем законам он должен был сейчас лежать на дне океана, а не наслаждаться комфортом хилтоновского отеля! На экране продолжался фильм с бородатым Кристофферсоном, а перед глазами Емели показывался на волнах белый катер.

Глава 2

Рыболовно-туристский катерок покачивался на волнах в двух милях от берега, небо-скребы Гаваны едва просматривались в солнечной мгле. Клиентами «Хемингуэй-марины» на сей раз были не валютные толстосумы, а экипаж лайнера «Аэрофлота», обслуживающий латиноамериканские авиалинии и получивший плановую передышку после двух недель беспре-рывных полетов. Кто-то, как, например, штурман, отлеживался в защищенном кондиционе-ром номере отеля, кто-то коротал время на пляже, а командир лайнера Владимир Петрович Степанов предпочел подводную охоту с аквалангом, к которой пристрастился пять лет назад, когда от него ушла жена и отпала необходимость привозить в семью заработанную валюту. На подобные прогулки он приглашал всех, кто имел силы и желание болтаться со спиннингом в руке на высоких волнах Мексиканского залива в не слишком устойчивой скорлупке. Сегодня компанию ему составляли стюардесса Ксения и второй пилот Юра.

На ходовом мостике в кресле рулевого валяжно раскинулся чернокожий кубинец. Время от времени он прятался за бортик и отхлебывал из бутылки глоток рома.

Законы и правила, установленные коммунистическим режимом Кубы, были суровы. И хотя катер в своих топливных баках не имел и четверти необходимого запаса солянки, чтобы добраться до Флориды, береговое наблюдение за ним не прекращалось ни на минуту. Мощнейшие оптические системы, подаренные Советским Союзом, позволяли видеть с берега не только нарушающего дисциплину рулевого, но и стрелки часов на его руке. Херминаль – так звали рулевого – знал об этом лучше кого бы то ни было и потому разделялся с презентом Степанова быстро и крайне осторожно.

Сам Степанов где-то поблизости плавал с аквалангом, а Ксения и Юра, красивые, заго-релые, с выбеленными тропическим солнцем волосами сидели на корме в специально обору-дованных креслах со спиннингами в руках. На палубе лежали трофеи: несколько рыб, причуд-ливые раковины, морские звезды, обломки коралла.

– Ксения, я люблю тебя... – сказал Юра, но Ксения не шелохнулась. – Я хочу познакомить тебя с моими родителями...

Вдали послышался стрекот вертолета, он приближался.

– Юра... – вздохнула Ксения.

– Но ведь прошел целый год! И никаких следов. Твой Кеша словно сквозь землю прова-лился!

– При чем тут Кеша?

– Но ты ж помолвлена с ним была! Он даже кольцо носил!

– Ну и что? Это его дело... Я порвала с ним задолго до его исчезновения!

– Тогда в чем дело?! – обрадовался Юра и, закрепив специальным приспособлением спиннинг, поднялся с кресла.

– А в том, что ты не мой мужчина! – Стрекот вертолета быстро приближался и превра-щался в грохот. – Для меня ты вообще не мужчина! Понял?! – почти прокричала в лицо Юре Ксения. – И отстань!

– Я знаю, кто твой мужчина!

– А знаешь, так чего лезешь?!

С вертолетом произошло нечто из ряда вон выходящее: он стал вдруг дергаться, шара-хаться из стороны в сторону и быстро терять высоту, уже видны были лица пилота и пассажира, двигатель скрежетал и звенел. Казалось, вертолет вот-вот развалится на части. Обомлевшие от ужаса молодые люди и рулевой ждали рокового момента и благодарили Бога, когда вертолет успел проскочить над ними. Он уже почти касался воды, когда самое страшное внезапно кончи-лось! Пришедший в себя Херминаль схватил бинокль и смотрел, как вертолет уверенно набрал

высоту и исчез в береговой мгле. Рулевой допил ром и выбросил бутылку за борт, напрочь забыв о собственной безопасности.

– Что-то долго Владимира Петровича нет... – наконец произнесла Ксения, обводя взглядом водную поверхность. – Тебе не кажется?

– Не кажется! – сухо ответил Юра, разжимая пальцы, намертво обхватившие подлокотник Ксенииного кресла. – В запасе еще целых семь минут!

...В сказочном царстве кораллов, водорослей и невиданных рыб лежал на песчаном дне в акваланге и ластах крепкий немолодой мужчина – Владимир Петрович Степанов; к голени прикреплен нож, на поясе – сетка для добычи, рядом с рукой на песке – ружье для подводной охоты. Глаза Степанова закрыты, он без сознания, маленькие порции воздушных пузырьков в такт дыханию вырывались из клапана акваланга. Вот он с трудом открыл глаза – сознание постепенно возвращалось к нему – посмотрел на часы, перевернулся в нормальное положение и, подобрав ружье, очень медленно поплыл.

Степанов поднял со дна раковину, осмотрел ее и выпустил из руки, поиграл с зарывшейся в песок рыбой, глянул на проплывавшую в стороне небольшую акулу и не проявил к ней никакого интереса.

Вот он увидел приближающуюся к нему стайку пестрых рыбешек, которая окружила его и заняла все видимое пространство. Появился странный звук, напоминающий множество мелких шелестящих электрических разрядов. Барабанные перепонки, голова готовы были вот-вот лопнуть – таким противным и громким стал этот звук. Мириады рыбешек вдруг превратились в мутную абстракцию, в центре которой был темный вихрь, и в этом вихре подобно светящимся змейкам стали прорезаться какие-то контуры.

Лицо Степанова оцепенело, в нем был страх. Он испытывал огромное эмоциональное напряжение, возможно даже, что в эти секунды он отключился от реального мира.

А между тем пульсирующие, извивающиеся светящиеся контуры обрели совершенно определенные и четкие черты самолета в верхней проекции, и только это случилось, как муть, светящиеся контуры самолета, шелестящий звук растворились, исчезли и сменились безмятежной картиной. Степанов видел пеструю стайку рыб. И все.

Отвесное солнце пронизывало восьмиметровую толщу прозрачной воды, открывая счастливому наблюдателю сказочную красоту океанского мелководья.

Мимо проплывал метровый тунец, Степанов почти неосознанно, без всякого азарта выстрелил...

Когда он выбрался на палубу, то все еще находился во власти свечения. Он выглядел странно, не улыбался, не шутил, как обычно, но Юра и Ксения, только что пережившие стресс, не замечали этого.

Херминаль помог снять акваланг и втащить рыбину на палубу. Степанов жадно дышал, озираясь вокруг и в то же время как бы никого не замечая.

– Я так переволновалась, Владимир Петрович, у вас воздух кончился! – Ксения положила руки на грудь командира, в голосе ее было неподдельное волнение.

Степанов сдержанно улыбнулся и поцеловал девушку в волосы.

Причмокивая от восхищения, кубинец вместе с Юрой закрепляли трофей на палубе.

– Не припомню случая, чтобы тунец подплыл так близко к берегу! – сказал Херминаль.

Степанов овладел собой, отдал Ксении сетку с раковинами и спустился в небольшую каюту. На столике в беспорядке стояли бутылки с аэрофлотскими напитками, заботливо прихваченными Ксенией. Степанов откупорил бутылку виски и сделал пару жадных глотков, потом набрал по радиотелефону номер старого друга – представителя «Аэрофлота» на Кубе, оглянулся на палубу и прикрыл рукой трубку.

– Алло... Алло... Гуров? Да, я, Степанов... Старик... Со мной сейчас такое было... Задел ската, и он ударил меня электрическим током!

– Поздравляю! – услышал он в ответ.

– Я больше часа лежал на дне без сознания!

– Поздравляю.

– Ты что, смеешься? Я мог умереть, у меня почти кончился воздух!

– Удивляюсь, как до сих пор тебя еще не сожрали акулы! Расскажешь все моим детям – они это любят! Не забудь, вечером встречаемся у Глазова...

– Погоди, погоди, старина... Возьми карту, предпоследний лист по трассе Шеннон – Москва... Хорошо, подожду...

Антон Игоревич Гуров, в недавнем прошлом элитарный пилот гражданской авиации, а ныне представитель «Аэрофлота» на Кубе, отложил в сторону трубку и придвинул к себе огромную папку-атлас. Пока отыскивал нужную страницу, несколько крупных капель пота успели скатиться с кончика носа на Англию и Западную Европу. Вентилятор гонял под потолком раскаленный воздух и не давал никакой прохлады. Наконец он нашел нужную карту и снова взял трубку.

– Ну что тебе? – Он вытер платком лоб.

– Километрах в четырехстах от конечного пункта должно быть озеро... точнее не должно, а посмотри, существует такое или нет?

– Ну есть... И не такое уж маленькое... Холодное называется... Тут болота вокруг. Ближайший райцентр... – Гуров водил карандашом по карте. – Буяново... А на юге – Маргополь... Что тебе взбрело в голову?

– Помнишь, у нас парень был, молодой пилот... Ну, тот, что разыскивал погибшие самолеты. Кеша Мечников! Тот, что пропал без вести год назад?!

– Ну... Помню... – стушевавшись, ответил Гуров. – И что?

– Я только что видел его.

– Так хватай его за руку и веди сюда!

– Он мертв... В том самом озере...

Степанов прервал связь и положил трубку на место. Какое-то время он стоял с закрытыми глазами, слышно было, как о борт шлепалась волна.

Иннокентий Мечников был не только пилотом. Он состоял в клубе «Пропавшая экспедиция» и все свободное время посвящал поиску не вернувшихся из полета самолетов. Самой большой мечтой его было найти самолет Леваневского, четырехмоторный бомбардировщик Н-209, пропавший без вести 12 августа 1937 года при попытке беспосадочного перелета в Америку через Северный полюс. Легенды говорили о том, что перед самым взлетом к самолету подкатил «паккард» с чекистами, и Леваневский принял на борт коробку с двумя шубами и банкой икры для передачи в качестве подарка Сталина жене Рузвельта. Слабая надежда, что взрывное устройство главы НКВД Ежова сработало еще до подлета к Ледовитому океану и самолет упал где-то в тундре, толкала на бесплодные поиски все новых и новых энтузиастов.

Но находками поисковиков чаще всего были обычные гражданские самолеты или боевые машины времен Второй мировой войны, хотя и они часто оказывались сенсационными... Последней находкой Мечникова как раз и оказался такой самолет, и это стоило ему жизни.

«Сердце Степанова билось учащенно, виски распирало от боли. Что? Что?! Что со мной произошло?! Что это было?! Сон?.. Мираж?! Выдумка? Бред?! Нелепица какая-то, – пытался разобраться он в происшедшем. – Но я видел... Сам видел?! И озеро, о котором до той минуты и понятия не имел! И самолет!.. И Кешу...» – Он открыл глаза и устало провел по лицу рукой.

Хотел еще глотнуть теплого, обжигающего нутро виски, но передумал, успокоился и поднялся по короткому трапу на палубу.

Специальными растяжками Херминаль привязал тунца к палубе. Ксения рассматривала раковины.

– У вас воздуха оставалось всего на две минуты, – сказал Юра.

Степанов словно не слышал. Он осмотрелся, как бы подыскивая что-то, увидел загорелую спину Ксении и нацарапал на ней контур самолета. Вопросительно посмотрел на Юру, тот недоуменно перевел взгляд с рисунка на Степанова и снова на рисунок.

– «Юнкерс-87»... Пикирующий бомбардировщик... – неуверенно, голосом ученика произнес он.

Степанов кивнул и в задней части фюзеляжа нацарапал крестик. Юра удивленно смотрел на Степанова, но тот больше не сказал ни слова.

Ветер менял направление, на океанском горизонте появилось крохотное белое облачко, первая волна звучно ударила о борт катера. Пора было возвращаться в Санта-Фе, удобную глубоководную бухту неподалеку от Гаваны, где в прекрасных клубах и отелях отдыхали после морских путешествий или рыбной ловли иностранные яхтсмены и богатые туристы.

Именно там обосновалась огороженная со стороны суши высоким забором и хорошо охраняемая милисиано знаменитая кубинская «Хемингуэй-марина», попользоваться услугами которой как редчайшее исключение – даже за валюту! – мог обеспечить Степанову только представитель «Совэкспортфильма» Глазов, связи и возможности которого на Кубе были безграничны.

Весь путь до Санта-Фе Степанов просидел в кресле рядом с рулевым, не произнеся ни слова. За долгие годы работы на латиноамериканских линиях Куба незаметно стала его вторым домом. Зная язык, он постепенно узнал и людей. Узнал и полюбил. Эти трудолюбивые красивые люди, даже в своей нищете не потерявшие духа и оптимизма, чем-то напоминали его соотечественников. Они не скрывали боли, когда было больно, и безудержно веселились, когда было весело.

– У вас сегодня богатый улов! – сказал Херминаль, обнажая ослепительные зубы.

Степанов кивнул и улыбнулся...

Еще на катере Ксения и Юра порывались рассказать командиру о чрезвычайном происшествии с вертолетом, свидетелями которого они стали, но то одно, то другое мешало им сделать это. Зато теперь, когда они возвращались на такси в Гавану, ничто не мешало им во всех подробностях воспроизвести историю с вертолетом, но, странное дело, Степанов не проявил к ней никакого интереса.

Возле отеля «Тритон» их поджидали оставшиеся на берегу члены экипажа. Тунец вызвал всеобщий восторг, и мужики с трудом дотащили его до кухни, а раковины и обломки кораллов были тут же разобраны стюардессами в качестве сувениров.

Степанов, вытряхнув на ладонь остатки долларов и переговорив с шофером – большинство кубинских таксистов работали только за доллары, – попросил отвезти его в центр.

– К ужину вернусь... – сказал он, прежде чем машина тронулась с места.

Глава 3

Белое облачко, появившееся час назад на океанском горизонте, превратилось в огромную серую тучу, которая обрушилась на Гавану тропическим ливнем. Степанов смотрел в лобовое стекло, за которым в водяной мгле маячили нерезкие огни впереди идущих машин, а перед глазами стоял яркий светящийся контур самолета с нечетким силуэтом тела в узком фюзеляже. Могучие силы ввели его в непознанный мир, таинственный проводник услужливо показывал ему то, что он хотел видеть: озеро, слегка продолговатое с изломом посередине, топкие, окруженные высоким лесом берега. Рыхлый зеленый ил на глубине шести-семи метров в южной оконечности озера... и очень, очень недалеко от берега совершенно целый, почему-то не затянутый илом самолет... Степанов рассуждал сам с собой, пытаясь разобраться, что происходит в данную конкретную минуту: он ТАМ?.. или его мозг пытается воспроизвести то, что он увидел на дне океана? Стало душно и жарко.

Удар грома вывел его из оцепенения, он понял, что находится здесь, в этом мире. Непрерывные струи воды изливались на капот, крышу, сверкали в свете фар. Они ехали по красивейшей в мире набережной Малекон, многокилометровой дугой охватывающей воды Мексиканского залива, но ни набережной, ни залива, ни машин не было видно – со всех сторон плотной стеной их окружал дождь. Дворники не справлялись с работой, в нескольких метрах впереди моргали аварийные габариты, шофер осторожно прижался к бордюру и остановил машину. Степанов расплатился и вышел под ливень. Дождь застилал глаза, обтекал плечи, грудь, пузырил залитый по щиколотку тротуар, зато дышалось легко и в голове не было никакой боли. Он чувствовал себя сильным и уверенным.

Дождь прекратился почти так же внезапно, как и начался, стало светло, солнечно, появились пешеходы. Машины, отчаянно сигнали и мешая одна другой, прорывались через потоки сливавшейся с крутых улиц в море воды. Перед въездом в тоннель под пролив уже стоял милицейский пост – тоннель затопляло при каждом сильном ливне.

Степанов повернул на бульвар Прадо, широкой лентой полированного камня спускавшийся к берегу океана. Ноги скользили на мокром блестящем тротуаре.

Чернокожие мальчишки, разбежавшись, падали на живот и в позе летящей птицы стремительно скользили несколько десятков метров по тротуару, эффектно тормозя перед приглянувшимся прохожим и одаривая его ослепительной улыбкой.

Малолетка затормозил перед Степановым, окатив его с головы до пят дождевой водой.

– Дай доллар!

В кармане Степанова оказался только железный рубль. Мальчишка ловко схватил его, но, рассмотрев, презрительно усмехнулся и швырнул под проезжавшие машины.

– Советико! – крикнул он, уже рассекая воду спружиненным животом где-то ниже по бульвару.

Когда Степанов входил в представительство «Аэрофлота», одежда на нем высохла и ничто не напоминало о разгулявшейся недавно стихии.

За чашкой горького черного кофе он рассказал Гурову все, что произошло с ним на дне океана.

– Это от переутомления, – не проявляя ни удивления, ни интереса, сказал Гуров. – А что касается озера Холодное, которое ты о т к р ы л... то о нем и вообще говорить нечего: свой маршрутный атлас ты знаешь наизусть и озеро это видел на карте десятки раз! – Гуров почесал затылок. – Забудь... И никому не рассказывай.

– Легко сказать... А что если и самолет в озере есть, и труп в фюзеляже лежит?..

– В конце концов, все может быть! – Гуров улыбнулся. – Народный фольклор хранит в своей памяти некоторые странные случаи... Ну, например, как молодой штабист Северного

флота подал начальству рапорт о том, что южнее Гавайских островов потерпела аварию атомная подводная лодка, на которой служил его брат! Столкнулась с американской субмариной и пошла ко дну! Допуска к засекреченной аппаратуре связи он не имел, так что, достоверными сведениями обладать никак не мог, но тем не менее очень настаивал на своей версии и добивался принятия срочных мер по спасению!.. Его посадили в психушку...

– Слышал... А позже выяснилось, что все так и было!

– Более того, американцы подняли носовую часть и с воинскими почестями похоронили на военном кладбище в Гонолулу останки наших моряков... А лейтенантик так и умер в психушке...

Они сидели в просторном кабинете Гурова. Телевизор, подключенный к специальной антенне, передавал новости Эн-би-си. Диктор сообщал, что на океанских волнах обнаружены первые жертвы рухнувшего на подлете к Багамским островам самолета ДС-9 и что в спасательных работах задействованы все вертолеты и плавсредства береговой охраны.

Все внимание Степанов переключил на экран телевизора.

– Не слышал? – удивился Гуров.

– Нет. Отчего он упал?

– Никто ничего толком не знает... Единственный свидетель, капитан яхты, который все видел, заявил, что самолет просто развалился на части.

– Когда это было?

– В тринадцать сорок...

Степанов вспомнил, что именно в это время стая рыб превратилась в светящиеся контуры «Юнкерса-87»... и еще... еще из уголков подсознания нечетко выстроился рассказ Ксении и Юры о каком-то вертолете... Он посмотрел на часы, пора было возвращаться в отель.

– Расслабься! Расслабься! – Дружески смеясь, Гуров подмигнул Степанову и приоткрыл ящик стола, где лежала бутылка коньяка. – И забудь про все!

– Антон... – Степанов поднялся с кресла и приблизился к Гурову. – Скажи, пожалуйста, какая сила заставляет тебя обернуться, когда кто-то сзади смотрит на тебя?

– Интуиция... – Он задвинул ящик и перестал смеяться.

– А если человек за десять тысяч миль видит пожар на тонущей подводной лодке и слышит крики о помощи... Или с полпути возвращается домой, почувствовав внезапно, что его ребенку грозит опасность и буквально в последнее мгновение спасает его?.. Или просто видит сквозь непрозрачную стену, о чем неоднократно свидетельствовали ученые разных стран? Что это? Тоже интуиция?

– Да, интуиция... – Гуров давно уже не смеялся.

– Так что же такое интуиция?

– Говорят, интуиция – разговор с Богом... Мой совет тебе – не лезь во все это... И обо всем забудь.

Шофер Гурова отвез Степанова на окраину Гаваны в отель «Тритон», где «Аэрофлот» арендовал три этажа для отдыха экипажей латиноамериканских авиалиний.

Степанов поднялся в свой номер, открыл холодный кран в душе и долго ждал, пока из труб сойдет разогревшаяся вода и хотя бы на полградуса станет прохладнее. А когда оделся и вышел на балкон, застал величественную, много раз виденную картину: садилось солнце.

С последнего этажа небоскреба глазам открывалась бескрайняя океанская ширь, в свинцово-темные воды которой в полной тишине погружался огромный красный шар. От момента касания до полного исчезновения прошло чуть больше двух минут, и потом – будто занавес опустился! – тьма, звезды на небе и совсем другая жизнь...

Тишина взрывалась многоголосым треском, звоном, писком и еще чем-то невообразимым тысяч и тысяч насекомых, а на каменных тротуарах и беломраморных скамейках бульваров и скверов всюду хозяйничали быстроногие кукарачи, пугая туристов и нежных дам. В

ресторанах и барах появлялись первые посетители, где-то уже играла музыка и томно покачивали бедрами осмелевшие проститутки, сладостно, расслабляюще шуршал океан о каменное ожерелье Малекона. Открытые джипы с суровыми милисиано, приглядывающими за всем происходящим, медленно-медленно раскатывали по улицам прекрасной Гаваны. Наступала душная липкая ночь.

Степанов придиричиво осмотрел себя в зеркале и спустился в ресторан. Экипаж был в сборе, и все ждали его, командира. Других посетителей почти не было. Ансамбль из трех чернокожих музыкантов исполнял грустную мелодию. Сами пели, сами аккомпанировали – две гитары и маракас. Иногда двое музыкантов уходили отдохнуть, и тогда оставшийся откладывал в сторону свой инструмент и садился за рояль. Закрыв глаза и подняв голову, он не спеша перебирал клавиши и наполнял зал изысканной грустью.

– Владимир Петрович, а что если мы наш трофей в Москву возьмем? Душа так и стонет по хорошей рыбке! – сказала Маша, стюардесса, недавно и, можно сказать, случайно попавшая в этот экипаж.

Степанов улыбнулся и ничего не ответил.

– Летай в Гавану, будет тебе и рыбка, и пляж на океанском берегу! – сказала Ксения. – А то все тебе Европу да Штаты подавай!

– Что поделаешь, люблю цивилизацию!

– Доллары ты любишь, а не цивилизацию! – беззлобно сказала Ксения и рассмеялась.

– Да кто ж их не любит?!

– Девочки! – строго одернула их старшая бортпроводница Соня, и пикировка тотчас прекратилась.

А Степанов снова улыбнулся, он очень любил свой экипаж. К столу подошел повар, старый худой негр с доброй улыбкой уставшего человека. Он по-испански приветствовал всех сидящих и обратился к Степанову:

– Дон Владимир, вашего прекрасного тунца я приготовлю на завтрак. Скажите только, к которому часу?

– Дорогой сеньор Маноло... Эту рыбу я поймал специально для твоей семьи, – сказал по-испански Степанов.

Повар улыбнулся грустно и покачал головой. Наивный человек, говорили его глаза. Но Степанов не был наивным и прекрасно понимал, что народ Кубы живет впроголодь и что если этого тунца он только подарит Маноло, то Маноло никогда его не получит. Порядки на Кубе были суровыми. Даже повара и официанты не смели прикоснуться к пище, которую готовили на кухне отеля. А уж о каких-то там подарках или презентях вроде метрового тунца...

– Эта рыба твоя, Маноло... У нас есть машина, и мы сами отвезем ее тебе домой. – Степанов повернулся к Юре. – Сразу после ужина. Понял? У шофера есть адрес.

– Я и сам дорогу помню, не беспокойтесь. Мы вместе с Иваном прокатимся, – Юра ткнул локтем бортинженера, расправлявшегося с фруктовым салатом. – Слышал? После ужина рыбу в автобус – и к старику!

– Вот так... Никаких проблем! – сказал Степанов по-испански и засмеялся.

Глаза повара повлажнели, он отвернулся и зашагал прочь.

– У него шестеро детей... – сказал Степанов. Грустные музыканты продолжали исполнять грустную мелодию. И вообще на Кубе много грусти.

– А теперь спать! Всем спать! – строгим взглядом Степанов обвел экипаж, но исполнять команду никто не спешил. Вечер только начался, и музыка не располагала ко сну.

– Может, потанцуем? – предложила Маша.

– Девочки! Слышали?! – Старшая бортпроводница первой поднялась из-за стола, ее примеру неохотно последовали Маша и Ксения.

– И правда, рано вставать, – примирительно сказала Ксения. Второй пилот Юра прихватил оставшуюся на блюде связку бананов.

– Как раз шесть! – он бросил взгляд на командира, как бы спрашивая разрешения, но тот промолчал, и он вразвалочку направился вслед за бортиженером в морозильную камеру за тунцом.

– Юра! – окликнула Ксения второго пилота, и тот задержался. – Я была груба с тобой на катере. Прости.

– Сам напросился. Зато ответ был доходчив и прост... Спасибо тебе... – Он отвернулся и пошел на кухню.

Ксения поспешила к лифту.

Все, кроме Ксении и Маши, вышли на предпоследнем этаже.

– Не проспите, девочки! – со всей строгостью предупредила Соня.

– Спокойной ночи. – Глаза Ксении и Степанова встретились, дверки лифта сомкнулись, но почти тотчас снова открылись.

Девушки вышли на ковровую дорожку длинного коридора.

– Ну и мегера ваша старшая! – выпалила Маша.

– Она на прошлой неделе пять долларов потеряла, – улыбнулась Ксения.

– А-а, тогда все понятно... Порядки у вас тут!

– Потерпи немного... В Шенноне, если повезет, вернешься в свой экипаж.

Ветер гудел, посвистывал, завывал, и казалось, весь небоскреб раскачивался под его натиском, хотя наступила обычная для этого времени года тихая тропическая ночь.

– Боже, как страшно воет здесь ветер. Я так не люблю верхние этажи! – Ксения зябко поежилась.

– Зато пляжи на океанском берегу! Ананасы!

– Какая ты зануда, Машка! – Они подошли к номеру, и Ксения открыла дверь. – Лучше спину мою посмотри!

– А что у тебя там?

Они вошли в номер, защелкнули дверь и включили свет.

– У меня так зудит спина, что я еле досидела до конца ужина. Посмотри, что там? – Ксения сбросила блузку и повернулась к подруге спиной.

Маша ахнула.

– Да у тебя вся спина в язвах! – На спине Ксении видны резкие контуры самолета, очерченные вспухшими красными рубцами. – Живого места нет! Немедленно к врачу! Вдруг это зараза какая?! Ну все! Никакими бананами меня на Кубу больше не заманишь!

– Никакая это не зараза! – Ксения сбросила с себя одежды и направилась в ванную. – Просто я расчесала спину, а морская соль разъела! Тоже мне, за-ра-за...

В ванной зашумела вода.

Номер Степанова был погружен во мрак. Владимир Петрович, не раздеваясь, прилег на кровать. Из портативной магнитолы, с которой он никогда не расставался, звучал голос Лемешева:

Только раз бывают в жизни встречи,

Только раз судьбою рвется нить...

Музыка всегда выручала, помогала расслабиться, забыть обо всем тревожном и гнусном, но сегодня, похоже, был не тот день. Мысли невольно возвращались к подводному свечению, голова снова кипела и готова была взорваться от боли. С одной стороны, он не сомневался, что видел место, видел самолет, видел останки Кеши Мечникова и, стало быть, раскрыл тайну исчезновения своего второго пилота, но, с другой стороны, его разум категорически отказывался верить всему этому! Разве можно увидеть что-либо, ну хотя бы то же озеро на болотистых равнинах западной России, находясь при этом по другую сторону земного шара?! Бред!

Раздался телефонный звонок, голова мгновенно освободилась от мусора и боли. Степанов выключил музыку и взял трубку.

Это был шофер Глазова.

– Да. Спускаюсь.

Глава 4

На вилле Валентина Глазова собрался по случаю окончания съемок советско-кубинского фильма «Капабланка» киношный бомонд. Местную элиту представляли режиссер Мануэль Эррера с женой Эслиндой, участницей многих латиноамериканских сериалов, любимицей кубинских киноманов и вообще женщиной с шармом, заместитель министра культуры Хулио Гарсиа Эспиноса с женой, руководство местной киностудии; нашу – исполнительница главной роли красавица Галя Беляева, оператор Игорь Клебанов, звукооператор, художник... Были и еще люди с той и другой стороны, к кино никакого отношения не имеющие.

В прелестном полумраке просторной гостиной, украшенной узкими парными колоннами и прохладными полами из полированного камня, обставленной старинной мебелью прежних, дореволюционных хозяев, витал дух ароматных сигар и висел легкий гул голосов собравшихся гостей.

В группках говорили о пожаре в оперном театре, о престарелой Алисии Алонсо, не желающей расставаться с ролью примы национального балета, об удравшем в Майами высокопоставленном чиновнике, о проклятых американцах, защищающих свои интересы в каждой точке земного шара, но главной темой были фальшивые, давно всем набившие оскомину заявления о взаимном проникновении и дополнении двух могучих культур – русской и кубинской – и вечной дружбе русского и кубинского народов.

Где-то тихонько, словно под сурдинку, тарахтел невидимый телевизор.

Едва Степанов переступил порог, к нему подскочил слегка разгоряченный Глазов, в белом смокинге, бабочке.

– Наконец-то! Благополучно добрался?

– Вполне.

– Ну, ты тут свой, не заблудишься... Гуров скучает без тебя... Еще поговорим, про-сти... – Он исчез, а перед ним возник бармен-кубинец Игнасио, он же мажордом, садовник, при необходимости шофер и официант. На подносе стояли соки, коктейли, ром... Степанов взял безобидный мохито – слабоалкогольный коктейль с кусочком льда и листиком свежей мяты. Осмотрелся. Заметил в толпе Гурова с молодым человеком в элегантном европейском костюме, почему-то державшим в руке кейс. Молодой человек, это был Емеля, появился на вилле несколько минут назад и был тотчас «пристроен» Глазовым к Гурову.

Степанов направился к ним.

В узком креслице, обособленно от других, сидела, положив руку со стаканом рома на тонкий подлокотник, совсем молоденькая девушка, ее густые красивые волосы в беспорядке падали на оголенные плечи. На ней было короткое черное платье с блестками и черные, опять же с блестками, туфли на высокой платформе. Во рту была жвачка, она лениво работала челюстями, выдувая иногда пузырь, задерживала его на губах, то ли любуясь им, то ли эпатируя публику, и при этом не сводила своих больших немигающих глаз с Емели.

– Парень в такой переплет попал! – Гуров похлопал Емелю по плечу, когда Степанов подошел к ним. – Почистище твоего! Во всяком случае, вам будет о чем поговорить!.. Да, я и не представил вас! Познакомьтесь!

– Емельян Петрович, – молодой человек протянул руку. Степанов назвал свое имя, ответив крепким рукопожатием.

– Истории для кино пишет, сценарии... Ему наверняка интересно будет послушать твой рассказ! – Гуров отпил изрядный глоток рома. – Кстати, с тобой полетит!

Образовалась пауза, и, чтобы заполнить ее, Степанов спросил:

– Так что же произошло с вами?

– Суший пустяк... – скромно ответил Емеля и посмотрел случайно на девушку в кресле. Та, не меняясь в лице и не прекращая жевать жвачку, слегка раздвинула колени – трусиков на ней не было и, похоже, именно это она хотела показать понравившемуся ей мужчине. Емеля отвел взгляд. Ничего особенного...

К ним подошел бармен с полным подносом, Емеля вежливо отказался, а Гуров взял очередную порцию рома.

– Но-но! Ничего особенного! – От выпитого алкоголя голос Гурова подсел, стал хриловатым и бархатным, в отсутствие жены и подчиненных он чувствовал себя великолепно. – Парень был на волосок от смерти! – И он поведал Степанову ту самую историю, которую рассказали ему в машине Юра и Ксения.

В голове Степанова образовался неприятный сумбур. Крушение самолета ДС-9, опасное происшествие с вертолетом, загадочный пожар в театре, а главное – таинственное свечение на мелководье Атлантического океана... Что это? Природные катаклизмы, имеющие одну общую первопричину, или цепочка случайных, независимых друг от друга событий? Желая облегчить свое состояние, Степанов поспешил отбросить все лишнее, то есть то, что не имело к нему непосредственного отношения. А тому единственному, что не давало теперь ему покоя, он в очередной раз пытался найти логическое объяснение. «Если я, – рассуждал он, – и раскрыл тайну исчезновения Иннокентия Мечникова, то только потому, что постоянно думал о нем, а думал потому, что Кеша хоть и тонкой ниточкой, но был связан с очень не безразличным мне человеком... Если Кеша жив – одно дело, мертв – другое... Но я должен точно знать это!»

Глазов подвел к ним импозантного седого человека, советника по культуре при советском посольстве Арнольда Яковлевича Обухова.

– Вот и наш сценарист! Жив, здоров, как видите! – сказал он, глядя попеременно на Емелю и советника.

– Поверьте, очень рад, что вы закончили работу. Сценарий на кубинском материале – это то, что нам именно сейчас так нужно! – советник тряс руку Емели. – Сегодня же ночью прочту его...

– Буду безмерно благодарен вам за это... Особенно за ваши замечания и советы. Вы ведь так хорошо знаете Кубу!

Емеля приоткрыл кейс и передал советнику обыкновенную, стянутую тесемками папку. От глаз Степанова не укрылась маленькая деталь – концы тесемок на оборотной стороне папки были скреплены сургучными печатями.

Обухов попробовал ее как бы на вес. В папке были первые масштабные перехваты радиопереговоров кораблей и штабов НАТО и США только что налаженной и заработавшей системы прослушивания.

– Солидно! Глядишь, и ночи не хватит, чтобы прочесть.

– А вы не спешите... – Емеля защелкнул кейс и впервые за все время выпустил его из рук, поставив на пол у стены.

– Проводите меня до машины...

Они вышли в темный и довольно тесный дворик, где, прижавшись друг к другу, стояли несколько машин.

– Не споткнитесь... – Емеля придержал за локоть Обухова, когда тот спускался по овальным ступеням.

– В октябре здесь, в Гаване, должно быть подписано межправительственное соглашение по культурному обмену на дальнейшие пять лет... – Он сел в «Волгу» и коротко бросил шоферу: – Поехали!

В особом отделе посольства папку ждали с нетерпением, ближайшим самолетом дипкурьер должен доставить ее в Москву.

Емеля подождал, пока «Волга» скрылась за воротами виллы, повернулся, чтобы идти к гостям, но столкнулся с женщиной. Он сразу даже не понял, что произошло, так активно и нагло повела себя незнакомая особа. В какое-то мгновение ее руки расстегнули на нем брюки и обхватили его гениталии, Емеля взял ее за кисти рук, и она вскрикнула от боли, но продолжала меланхолично жевать жвачку, глядя в глаза своей «жертве». Емеля вежливо оттолкнул ее, привел себя в порядок и вернулся на виллу, сразу же подошел к бару, перелил ром из нескольких стаканов в один и залпом выпил его. Это очень понравилось Гурову, который предложил тут же повторить. Антон Игоревич всю жизнь, пока летал, не брал в рот спиртного, а став администратором, круто наворачивал упущенное. Они выпили еще по одному стакану.

Степанов, наблюдавший за своим новым знакомым, понял, что алкогольная разрядка была связана не с переживаниями вертолетного ЧП, а с избавлением от толстой папки. Ох уж эти советники по культуре... Степанов скучал и не понимал, зачем Глазову понадобилось тащить его на этот прием, когда «населения» и так хватало.

За спиной бармена стоял среди бутылок телевизор. Диктор бойко рапортовал, что только за минувшие полгода производительность труда на Кубе возросла на четыре процента при плане три процента, фонд потребления вырос на пять процентов, а среднелюдское потребление продуктов питания поднялось до трех тысяч калорий и восьмидесяти граммов белка в день...

Чья-то рука потеснила Емелю и поставила на стол перед ним пустой стакан с использованной жвачкой на дне. Это была девушка без комплексов. Она смерила Емелю все тем же безучастным взглядом, взяла с подноса креманку с густой, как ликер, анисовой водкой на самом доннышке и удалилась.

– Кто это? – спросил Емеля.

– Дочь большого советского начальника... Приехала на каникулы попрактиковаться в испанском языке, – ответил на родном языке Игнасио.

– Очень похоже... – сказал Емеля и попросил крепкого кофе.

Вечер проходил удачно и по плану. Когда были сказаны все речи и никто никого не слушал, а присутствие Глазова сделалось необязательным, он развез по домам Стрешнева и Степанова. Он выглядел усталым и, против обыкновения, ехал, никого не обгоняя. Когда Стрешнев вышел у ярко освещенного подъезда «Гаваны Либре» и они поехали дальше, Степанов заинтересовался:

– Кто он?

– Сценарист... – не сразу ответил Глазов.

Степанов вспомнил папку с печатями и советника по культуре.

– Понятно... – не сразу ответил он.

В час ночи он вернулся в «Тритон». Нешуточная тревога, охватившая его после встречи с электрическим скатом, и образовавшаяся вскоре после этого фантастическая, никаким здравым смыслом не объяснимая видеосвязь между ним и затянутым в донный ил глухого озера немецким самолетом, в фюзеляже которого он увидел связанный и давно съеденный рыбами труп Кеши Мечникова, тревога, не отпускавшая его весь день, вдруг исчезла. Он лежал на кровати, смотрел в потолок и был совершенно спокоен, потому что точно знал, что будет делать, прилетев в Москву.

Загвоздка была лишь в том, когда он прилетит в Москву. После восьмичасового полета над океаном в Шенноне их должен был сменить другой экипаж, а после кратковременного отдыха он по плану должен был лететь в Мехико или Гавану. Он и его коллеги не распоряжались собой. Жизнь летных экипажей на самом деле не была такой привлекательной, какой могла показаться со стороны.

Лайнер Ил-62 вылетел из Лимы точно по расписанию и через два часа приземлится в аэропорту Гаваны. Произойдет смена экипажей: он сядет за штурвал, а другой человек займет его место на этой кровати. Какая же тут романтика?..

Ночь. Звучно шелкали выключатели, вестибюль отеля постепенно освещался всеми лампами. Дежурный портье, старый негр, поправил фуражку с золотым околышем и направился от распределительного щита к двери, за которой тихонько тарахтел двигателем аэрофлотовский пазик.

Возле рецепции в креслах вольготно развалились два рослых молодых кубинца в щеголеватой милицейской форме, на животах у них, под правой рукой, лежали расчехленные кольты. Низко сдвинутые фуражки скрывали глаза.

Портье шумно открывал большим ключом дверь.

Из лифтов вышли члены экипажа лайнера. Они были одеты в безукоризненно выглаженную аэрофлотовскую форму, и каждый катил за собой фирменный саквояж или сумку на колесах. Лишь Степанов ничего не нес и не катил – весь личный багаж он давно уже оставлял в камере хранения отеля. Элегантная, словно сошедшая с рекламы процессия продефилировала мимо милиционеров.

– А походочка, а станок какой! – сказал негромко один другому, глядя на Ксению.

Степанов оказался настолько близко к ним, что услышал эти слова.

– Да не тебе, дураку, на нем работать! – ответил он по-испански.

На лице милисиано появился мгновенный испуг, он не ожидал, что русский пилот знал его родной язык.

– Что он сказал? – спросила Маша.

– Пожелал нам счастливого полета, – Степанов пропустил всех перед собой в распахнутую дверь, за руку попрощался с портье и сам шагнул в душную липкую ночь.

Дверь закрылась. Ступенчато, только в обратном порядке, вырубился в вестибюле свет. Сквозь двойные стекла дверей милисиано смотрели, как рассаживался в автобусе русский экипаж. Круто фыркнул мотор, огни пазика проползли по стеклам вестибюля и скрылись.

«Да помоги мне Бог...» – мысленно произнес Степанов. Он хотел как можно скорее оказаться в Москве.

Глава 5

Через несколько часов лайнер Ил-62 летел над Атлантическим океаном. Суматоха и мелкая неразбериха последних минут на земле, фигурка Гурова, встречавшего и провожавшего на Острове свободы почти каждый советский самолет, знакомые береговые очертания Матансаса и курорта Варадеро, резкий поворот на север – все осталось позади. Экипаж включился в работу, и никто уже не помнил ни золотых пляжей, ни обжигающего асфальта Гаваны, ни полных вековой грусти глаз ресторанных музыкантов.

Внизу медленно плыли белые облака, между ними в бездонной глубине виднелась серебристая поверхность океана.

Кабина лайнера была залита солнечным светом. В кресле командира сидел Степанов, второго пилота – Юра, между ними – бортинженер Иван, чуть дальше, за узкими перегородками, располагались перед крохотными столиками штурман и радист.

В кабину вошла Ксения с подносом в руках: соки, бутерброды, кофе. Степанов слегка развернулся в кресле и взял чашку кофе. Их глаза встретились. «У вас воздух кончился...» – звучал в голове ее голос и грудь обжигало прикосновение ее узких ладоней. Степанов улыбнулся, и Ксения улыбнулась. Она была очень красивой девушкой, но переживала ту пору девичества, когда каждый год шел за три.

– Спасибо... – Степанов пригубил кофе.

Полет проходил нормально, обстановка в пилотской кабине была непринужденной, сюда почти не доносился гул турбин. Степанов чуть сдвинул с ушей радиотелефоны.

– Кто там у нас в Штаты жаждал? Маша?

– Она уже передумала, – засмеялась Ксения, ставя на тесный столик штурмана сок и бумажную тарелочку с бутербродами.

– Скажи, могу посадить! Слева Америка!

В этот момент радист отставил в сторону кофе и сосредоточился на том, что услышал в наушниках.

– Командир! – обратился он к Степанову. – Вас запрашивает диспетчер аэропорта имени Джона Кеннеди, Нью-Йорк.

Степанов поправил наушники и занял удобное положение в кресле. Второй пилот, штурман, инженер – все слушали диспетчера аэропорта имени Кеннеди, который просил командира советского лайнера совершить кратковременную посадку для выполнения важнейшей гуманитарной акции по линии межправительственного соглашения между США и СССР в области медицины. Диспетчер сообщил, что эту акцию может выполнить только он, Степанов, потому что в ближайшие часы никакого другого самолета на Москву не предвидится.

Положение было пикантным, если вспомнить, что именно тогда, в разгар перестройки во второй половине восьмидесятых годов, отношения между Москвой и Вашингтоном на какое-то время сильно похолодели: Америка отказалась принимать и обслуживать советские самолеты, и авиасообщение между двумя странами было прервано.

На принятие самостоятельного решения Степанов не имел никакого права, хотя формально оно было, а Москва в подобных ситуациях, когда требовалось незамедлительное решение, как правило, отмалчивалась.

– Вас понял! – ответил по-английски в микрофон Степанов и обратился по-русски к радисту: – Запроси добро у Москвы! – почти наверняка зная, что если и придет какой-то ответ, то самый обтекаемый, вроде: «Действуйте по своему усмотрению!» – перекладывая тем самым ответственность за последствия на третьестепенное лицо, в данном случае командира экипажа.

Бортрадист переключил тумблер на дальнюю связь и тотчас начал доклад:

– Москва! ЦДС!¹ Докладывает борт 86474...

Все произошло так, как и предполагал Степанов. Деша из Москвы была не скорой, но краткой: «Действуйте по своему усмотрению сообразно обстоятельствам», – кидать своих давно стало нашей национальной особенностью. И поскольку подлетное время было уже на исходе, он принял решение незамедлительно.

Степанов продиктовал Ксении, что именно нужно сказать пассажирам; штурман тем временем скорректировал курс, а бортинженер резюмировал, что в таком случае неплохо было бы подзаправиться. Радист соединил командира с диспетчером посадки аэропорта имени Кеннеди, а Ксения уже стояла с микрофоном в кабине стюардесс.

«Уважаемые пассажиры! – мягко звучал ее голос в динамиках пассажирских салонов. – По просьбе диспетчерской службы Нью-Йорка наш самолет совершит незапланированную посадку в аэропорту имени Кеннеди. Это вызвано необходимостью сверхсрочной доставки груза для Академии медицинских наук. В случае дозаправки продолжительность стоянки сорок минут... – на какую-то секунду Ксения запнулась, потому что появившаяся Маша приподняла со спины у нее блузку и тихо ахнула. —... Через несколько минут наш самолет начнет снижение, просьба застегнуть привязные ремни и после приземления оставаться на своих местах», – почти скороговоркой закончила она и отключила микрофон.

– Боже... – простонала Маша. – Все исчезло! – На лице ее было что-то вроде испуга. Она еще раз глянула под блузку и провела по голой спине рукой. – Как шелковая...

Откуда-то вынырнула старшая стюардесса Соня.

– Хватит болтать! Идите к пассажирам! – приказала она и стала наводить порядок в контейнере с использованной посудой.

Публика самолета была самой обычной для рейса СУ-336 Лима – Москва. Второй и третий салоны занимали сменные экипажи рыболовецких траулеров, промышлявшие у тихоокеанских берегов Южной Америки и теперь после многомесячной вахты направлявшиеся домой, в Россию. Молодые, пропитанные солью и ветрами ребята, под завязку заправленные алкоголем, спали, и им было наплевать на бесценный груз для Академии наук и посадку в Нью-Йорке.

В последнем ряду третьего салона сидел, скрестив на груди руки, Емельян Петрович Стрешнев, единственный пассажир, если не считать «неприкасаемого», которому нашлось место в переполненном транзитном самолете при посадке в гаванском аэропорту имени Хосе Марти. Навалившись на зашторенное окно, он тоже спал. Ксения задержала на нем взгляд и тут же услышала из-за спины шепот:

– За версту сексом несет! – Это была Маша.

– От тебя тоже... – сказала Ксения.

– А ты завидуешь! – Она обошла в узком проходе Ксению и заперла на ключ туалеты, потом, на обратном пути, еще раз посмотрела на приглянувшегося ей пассажира. – Я бы не возражала! – сказала она в спину Ксении.

Салон первого класса был заполнен перуанскими туристами и бизнесменами, для которых путь в Европу на СУ-336 был самым дешевым и выгодным, все они сходили в Шенноне, Ирландия. И лишь один пассажир этого салона – из разряда тех самых «неприкасаемых» – летел до Москвы. Он сидел в ближайшем к пилотской кабине ряду, крепко сжимая ногами плотный брезентовый мешок с тугими ремнями и пломбами. Он не пил алкоголь, не спал, не выходил из самолета на промежуточных посадках, а при необходимости наведаться в туалет не расставался со своим багажом. Под левой мышкой прикрытый пиджаком торчал в кобуре пистолет Макарова.

¹ ЦДС – центральная диспетчерская служба.

Погода была отличной, радиосвязь между командиром и диспетчером службы посадки – безупречной, все маяки и радиомаркеры сработали отлично, а потому и посадка прошла без сучка и задоринки.

Когда лайнер свернул на рулежную дорожку, к нему уже с воем мчались три полицейских «Форда» и машина Международного Красного Креста. Едва самолет замер, к нему подкатили заправщик и автотрап, следом с непрерывающимся воем подлетели «Форды» и машина с красным крестом, последняя остановилась около трапа.

Вооруженные полицейские выскочили из своих машин и развернулись цепочкой вокруг самолета. Откуда ни возьмись, появились телеоператоры – не переступая полицейского кордона, они нацелили камеры на самолет.

Американский гражданин в белом халате с блестящим цилиндрическим контейнером в руке поднялся по трапу, передняя дверь лайнера сдвинулась в сторону, и на пороге появился командир.

Не ступая на трап, Степанов принял контейнер и, передав его вглубь самолета, сказал американцу, что обязательно доставит его в Москву.

– Это как хотите! Привет! – крикнул он и скатился с лестницы.

С умопомрачительным воем машина Красного Креста сорвалась с места и умчалась, автотрап отъехал, дверь лайнера плотно закрылась. Полицейские сели в машины, но остались присматривать за советским лайнером, который лишь толстая кишка заправщика связывала с Америкой.

Десятки глаз из диспетчерской вышки и других мест следили за лайнером «Аэрофлота» Ил-62.

Керосин еще перетекал из автоцистерны в баки самолета, а на экранах телевизоров уже шел репортаж о бескорыстной гуманитарной акции Америки недружественному и неблагодарному Советскому Союзу.

В пилотской кабине лайнера экипаж сидел на своих местах уже второй час, ожидая разрешения на взлет. Двигатели работали в холостом режиме и незаметно сжигали только что купленный за валюту керосин. Пассажиры первого салона изнывали от духоты, второго и третьего – спали.

Степанов наблюдал, как взлетали один за другим самолеты разных компаний, а его все держали на земле.

«Странные эти американцы, – думал он. – Вроде бы сделали хорошее дело, а впечатление такое, будто в дерьме вывалили...»

Бортрадист слушал сводку погоды и тут же переводил для всех:

– Стокгольм, Осло закрыты... Необычайно глубокий циклон идет с Карского и Баренцева морей. Шеннон пока открыт, но облачность понижается, в Лондоне то же самое...

«Теперь все ясно, – понял причину задержки вылета советского лайнера Степанов. – Нас выпустят последними... Суки они все-таки, эти американцы...»

– Не нравится мне это... – сказал штурман. – Может, в Гандере переждем?

– Еще одна незапланированная посадка? – разочарованно сказал Юра, глядя на командира.

– Тогда стоило браться за доставку сверхсрочного груза? – усмехнулся Степанов.

– Я не думаю, командир, что Шеннон будет открыт еще целых пять часов... А раньше мы там не будем! Два часа мы уже потеряли! – настаивал штурман.

– Тем лучше... Полетим в Москву... Нам дают взлетный! – Степанов занял удобное положение в кресле и поправил радиогарнитуру.

– А перуанцы? – усмехнулся бортинженер. – Тоже в Москву?

– Жалко, что ли? – весело ответил командир, а сам подумал: «Дай Бог, чтобы так и было – прямо в Москву!»

Когда, наконец, самолет взлетел и набрал нужную высоту, Ксения объявила по трансляции сначала на русском, потом на испанском языке:

– Уважаемые пассажиры, наш полет продолжается. Извините за неудобства, которые мы вам доставили. Менее чем через пять часов мы совершим посадку в аэропорту Шеннон, где произойдет смена экипажей и мы попрощаемся с вами. А пока приготовьтесь к завтраку...

Перуанцы коптили сигарами, попивали маленькими глотками бесплатную русскую водку и с удовольствием облизывали губы после каждой тартинки – тоненькой пластинки белого хлеба с маслом и горькой черной осетровой икры, украшенной листиком незнакомой экзотичной петрушки. Рыбаки лениво расправлялись со стандартными порциями охлажденных цыплят и зеленым горошком. Пассажир последнего ряда, ни разу не сменив позы, крепко спал.

В кабине пилота царил покой: бутерброды, кофе, расслабленные позы – работал автопилот.

Штурман задержал взгляд на экране радара и отложил бутерброд.

– Командир, – сказал он. – Прямо по курсу грозовой фронт, высота одиннадцать, ширина... сто сорок километров. Рекомендую обход справа!

– Почему справа? – Командир смотрел вперед через лобовое стекло, где в безбрежной дали едва виднелась серая точка. Лицо его было сосредоточенно и не совсем обычно.

– Облет справа дает наименьшее отклонение от трассы, – пояснил штурман.

– Зато слева наименьшая глубина фронта, – возразил командир, слегка выжимая левую педаль.

Юра удивленно посмотрел на командира, а штурман после мгновенного замешательства ответил:

– Компьютер не дает такой информации.

– Знаю, – ответил командир, не отрывая взгляда от лобового стекла. Лицо его было жестко, глаза неподвижны. Казалось, он и в самом деле видит нечто такое, чего не в состоянии увидеть ни радар, ни сидящие рядом бортинженеры и второй пилот, ни бортовые компьютеры... «Первая ласточка... Это только начало...» Он не отрывал глаз от горизонта. – Опасность обойдем через... тринадцать минут...» И, чтобы запомнить время и проверить себя, он бросил взгляд на бортовой хронометр.

Серое пятнышко превратилось в огромную черную тучу, захватившую все видимое пространство. То там, то здесь вспыхивали красные, зеленые, желтые всполохи, выхватывая гигантские кучевые образования; все чаще прорезали небо ослепительно-яркие молнии, раскалывая тучи и устремляясь к невидимой поверхности океана.

В салонах горел свет, самолет слегка вздрагивал, кое-где на багажных полках торчали плохо уложенные сумки. Ксения не спеша продвигалась по узкому проходу третьего салона, вглядываясь в пассажиров, поправляя на полках багаж и хватаясь за спинки кресел при каждом резком толчке самолета.

Пассажир последнего ряда спал со скрещенными на груди руками, белая рубашка была уже помята, пиджак, кое-как брошенный на полку, готов был вот-вот упасть. Ксения уложила его вглубь полки на плоский дипломат.

Она еще раз посмотрела на молодого человека, отметила про себя, что ко времени посадки в Москве щеки его покроются хорошей щетиной, и, не испытав на себе никаких сексуальных флюидов, так поразивших ее подругу, направилась в носовую часть самолета.

В пилотской кабине работал весь экипаж.

– Шеннон закрыт! – объявил радист.

– А вообще-то могли уже быть там... – пробурчал штурман, отмечая на карте отклонение от трассы.

Сверкающая всполохами туча осталась справа, а впереди, насколько хватало глаз, простиралась густая облачность. Самолет летел на предельной высоте. Степанов посмотрел на хро-

нометр – прошло ровно тринадцать минут, он испытал удовлетворение, слегка замешенное на испуге: никогда раньше не мог он с такой точностью определить глубину надвигавшегося грозового фронта, мелькнула даже мысль, не азарт ли впутывает его в опасную игру. Но нет, все подобные мысли и чувства напрочь вытеснялись могучей уверенностью в самолете, экипаже, в себе.

Радист внимательно слушал и, сверяясь с хронометром, делал пометки в журнале.

– Лондон, Брюссель, Париж... закрыты, – объявил он.

– Штурман! – обратился командир. – Ваши рекомендации?!

– Предлагаю вернуться в Галифакс или Гандер.

– Радист! Последние сводки! – попросил командир.

– Париж рекомендует посадки в Лисабоне, Риме, Афинах...

– А как Люксембург? – прервал его командир.

– На прием самолетов закрыт, но пока выпускает.

– Запроси Москву, как у них?

– Москва... ПДС! Запрашивает борт 86474 Лима – Гавана – Шеннон – Москва. Нахожусь в 1600 километрах от Шеннона. Сообщите метеоусловия Москвы! – Радист переключил тумблер, давая возможность слушать Москву всем членам экипажа. Через гнусавый динамик сквозь помехи слышно: «...Облачность 400 метров, дождь, северный ветер, сцепление... видимость... Погода ухудшается... Ожидается закрытие аэропорта».

– Инженер, ваше слово! – жестко произнес Степанов. Вопрос командира застал его как раз в тот момент, когда он считывал с приборов последние данные.

– При таком ветре горючего хватит на 382 минуты полета. Штурман! Просчитай...

– Вариант просчитан: до Москвы 360 минут лета. Горючего в обрез. Рекомендую посадку на любом ближайшем аэродроме.

В наушниках слышны активные радиопереговоры.

– Ближайшие аэродромы – это Африка и Индия, – не скрывая сарказма, заметил командир.

– Все находящиеся в воздухе трансатлантики направляются в Лисабон... Аэропорты Атлантического побережья Америки не выпускают самолеты в Европу, – продублировал радист свежайшие новости.

Степанов задумался. Решение следовало принимать немедленно, советоваться было не с кем, за все отвечал только он, и все ждали его последнего слова. Сто семьдесят человек вверили ему свои жизни.

– Возьми управление, – тихо сказал он второму пилоту, и тот немедленно исполнил приказ.

Степанов снял радиогарнитуру и поднялся с пилотского кресла.

В дверях кабины стояла Ксения, она должна была что-то сказать пассажирам.

– Подожди... – Степанов вышел из кабины.

Наступала ночь. После многочасового полета пассажиры выглядели непрезентабельно. Степанов медленно шел по длинному проходу через весь фюзеляж и всматривался в их лица. Перуанцы и перуанки готовились к встрече с Европой – доставали из сумок и надевали на себя серебряные украшения, поправляли костюмы и косметику на помятых лицах, успокаивали детей; рыбаки просыпались, пересчитывали заработанную на тяжелом промысле валюту, готовясь всю ее до последнего цента спустить в беспощинном супермаркете Шеннона на подарки родным и близким, кое-где под креслами катались пустые бутылки... Он напряженно думал: «Лисабон – хорошо, но до него два с половиной часа лета, а если к тому времени и он закроется, то до Москвы уже не долетишь – керосина точно не хватит. Афины? Каир?... Положение серьезное... Придется всех разочаровать...» Он увидел Стрешнева, своего недавнего случайного знакомого. «Что-то в нем есть, – подумал он и тут же ответил себе: – Надежность!»

И на душе сразу стало легче: он принял решение! Все будет хорошо!

В кабину он вернулся сильным и свежим, как после долгого глубокого сна. Посторонившаяся в проходе Ксения обожгла его легким касанием груди, и он знал, что она тоже почувствовала это.

Он удобно уселся в кресло и взял управление.

– Что сказать пассажирам? – спросила Ксения.

– Сообщите им приятную новость: ввиду закрытия Шеннона и всех аэропортов Европы летим...

Штурман сжал в руке над планшетом карандаш – еще можно было вернуться на Восточное побережье Америки! – в тесноте приборов болталась иконка Пресвятой Богородицы и он не сводил с нее глаз.

–...в Москву! – объявил командир таким тоном, что всякие споры, советы, пожелания исключались.

Поломался кончик карандаша в руке штурмана.

Глава 6

Если бы в этот момент над Атлантическим побережьем Европы пролетал космический корабль, то его обитатели увидели бы, как серое покрывало облаков тревожно прочерчивали проблесковые бортовые огни одинокого самолета, а далеко на западе за изогнутый горизонт Земли проваливалось Солнце...

Ночь пришла незаметно, над головой висели звезды, а внизу, в крошечной тьме то слева, то справа, иногда совсем близко вспыхивали молнии, в салонах лайнера на мгновение становилось светло, как днем. Альтиметр показывал одиннадцать тысяч метров, вершины облачных айсбергов лизали плоскости самолета, и он дрожал и вибрировал, как большая живая птица.

Внизу простиралась земная галактика – залитая мириадами огней Европа, но ни один огонек не прорезался сквозь многокилометровую толщу облаков.

В пилотской кабине было темно, в отсветах приборов с трудом различались силуэты пяти членов экипажа, каждый выполнял свои штатные обязанности. Незаметно позади осталась государственная граница СССР, на запрос службы ПВО бортовой радиоавтомат немедленно отреагировал шифрованным ответом: «Я – свой!»

Командир был спокоен как никогда, только черты лица стали рельефнее, резче, а губы сжались еще плотнее. Он смотрел в иллюминатор и в крошечной тьме видел странно выцветшие и высвеченные участки земной поверхности – города, дороги, водоемы...

Что это? Наваждение? Разыгравшееся воображение? Или он в самом деле видит землю сквозь толщу облаков?..

Глаза второго пилота также смотрели на землю, но перед ними была лишь непроглядная тьма.

Шли доклады членов экипажа, в тесном пространстве кабины чувствовался нерв.

Радист: Москва и все запасные аэропорты закрыты. Командир, разрешите запросить диспетчерскую службу стратегической авиации?

Командир: Прекратить панику.

Радист: До Урала закрыты все аэропорты...

Инженер: Горючего осталось на шестьдесят минут лета.

Штурман: До Шереметьева шестьсот двадцать километров. Боковой ветер 150 километров в час... Даю поправку...

Командир снова посмотрел в иллюминатор и увидел серебристо-зеленую точку, которая неожиданно, как в трансфокаторе кинокамеры, приблизилась и превратилась в продолговатое, слегка изогнутое посередине с четко очерченными берегами озеро, которое тут же исчезло. Он перевел взгляд на приборы.

– Штурман! – сказал он по внутреннему переговорнику. – Расстояние до полосы?!

– Четыреста сорок километров! – Подавляя волнение, он вытер со лба пот, прошептал молитву, глядя на иконку Пресвятой Богородицы, и осенил крестным знаменiem спину сидящего перед ним командира.

А между тем диспетчерская международного аэропорта Шереметьево-2 тоже работала в особом режиме. По стеклам вышки бил дождь. За экранами радаров и компьютеров следили полтора десятка диспетчеров, между ними нервно прохаживались начальники служб.

В не слишком приметном уголке притаились телеоператор и репортер отдела «Горячие новости» Центрального телевидения – молодая настырная баба, которая раньше других пронюхала о «сверхсрочном гуманитарном грузе для Академии медицинских наук» и теперь жаждала сделать сенсационный репортаж, тем более что все «условия» для этого были налицо: закрытый аэропорт, посадка лайнера в экстремальных условиях, висят на волоске судьба

самой акции! Стараясь не мозолить глаза диспетчерам и охранникам, она направляла микрофон-пушку на того, кто в данную минуту говорил.

Главный диспетчер пребывал в раздумье.

– Кто пилот? – наконец спросил он.

– Степанов, – ответили ему.

– Что за птица?

– Серьезный пилот, я уже интересовался! – ответил не отходивший от него ни на шаг помощник.

– Сведения банка! – приказал главный диспетчер. Помощник тотчас подошел к одному из компьютеров и, проделав несколько манипуляций над клавиатурой, прочел с экрана:

– Степанов Владимир Петрович, пилот первого класса, налет 22 000 часов, одна аварийная посадка в тайге на Ту-104, без жертв. Большой опыт работы в экстремальных условиях на трассе Гавана – Луанда. Заключение последней медицинской комиссии: здоровье отличное...

Пространство между самолетом и аэропортом сокращалось с каждой минутой. В пилотской кабине появилась Ксения, глаза ее широко открыты, ей страшно, она не решается обратиться к командиру, но тот сам заметил, точнее, почувствовал ее за спиной.

– Ксюша! – не поворачиваясь в кресле, сказал он. – Где твой кофе?

– Кофе будет, Владимир Петрович! Что сказать пассажирам?

Самолет начал снижение, вошел в плотные слои грозовых облаков, и его стало трясти и швырять с новой силой, Степанов и Юра едва удерживали в руках штурвал.

– Как что? – Командир повернулся к стюардессе. – Наш аэроплан точно по расписанию... – штурман, правильно я говорю?! совершит посадку в родной конюшне. Если кто-то хочет послать телеграмму, может это сделать, время есть... Есть время, радист? А пока могу угостить господ пассажиров хорошей музыкой из личной коллекции.

Командир присоединил специальный разъем к своей магнитоле и нажал клавиш...

В пассажирских салонах зазвучал старинный русский романс. Вспыхнуло табло: «Не курить. Застегнуть привязные ремни». Музыка стала тише, послышалась информация: «Уважаемые пассажиры! Наш самолет начал снижение. Через несколько минут мы совершим посадку в аэропорту Шереметьево-2. Пожалуйста, застегните привязные ремни». Музыка снова зазвучала громче.

В диспетчерской Шереметьево-2 напряженность набирала обороты.

– Приготовить все для аварийной посадки! Осветите четвертую полосу! – почти выкрикивая, приказал главный диспетчер инженеру, после чего бросил в сторону диспетчера, ведущего самолет Степанова: – Ни на секунду не прерывайте связь!

За окнами вышки в густом тумане тускло вспыхнули огни посадочной полосы и рулежных дорожек.

– Горючего у них осталось на двадцать минут! – доложил ведущий диспетчер.

Главный на минуту задумался, репортерше показалось, что наступил самый подходящий момент для интервью, и она подпорхнула к нему.

– Как вы относитесь к подвигу, который сейчас совершает во имя науки пилот Степанов?

– Какой науки?! Какой подвиг?! – взорвался главный диспетчер. – Как вы сюда попали?! Вон отсюда! Демидов! Выведите их из диспетчерской!

Вооруженный автоматом охранник вытолкнул телевизионщиков за дверь.

Из распахнутых ворот пожарного отделения одна за другой выезжали по тревоге тяжелые машины, бригады скорой помощи занимали в машинах медслужбы места.

В переполненном людьми зале ожидания на гигантских световых табло застыла информация об отмене всех вылетов и прилетов.

В пассажирских салонах лайнера звучал старинный русский романс, и среди пассажиров не было обычного оживления. Самолет сильно болтало. Пассажир последнего ряда продолжал спать, скрестив на груди руки.

Командир крепко держал штурвал, глаза сосредоточенно следили за показаниями приборов.

– Борт 86474. Сажусь с ходу. Давление 748 установил, высота 400... – доложил он.

– Вас понял... Полоса освещена... – слышался в наушниках ответ диспетчера.

Голоса всех переговоров дублировались через наушники и динамики. Бортинженер Иван следил за синхронностью выпуска закрылок и фар.

– Закрылки выпущены на тридцать градусов. Фары выпущены! – доложил он.

На центральной приборной доске загорелось табло «ГЛИСС» и командир констатировал:

– Борт 86474. Вошел в глиссаду, шасси выпущены, к посадке готов!

– Полоса свободна, посадку разрешаю! – сообщил диспетчер.

Вот бы сейчас, именно сейчас, увидеть землю сквозь облака, подумал Степанов, вспомнив, как час назад с десятикилометровой высоты через непрошибаемую толщу облаков он видел изломы рек, дороги и то таинственное озеро, которое теперь сильнее магнита тянуло его к себе. Но нет, вокруг была только тьма, и руки едва удерживали штурвал, ведя по глиссаде самолет.

Штурман следил за показаниями многих приборов, но в данный момент его внимание было приковано к показаниям радиовысотомера. Как и все члены экипажа, доклады командир производил по СПУ – самолетному переговорному устройству.

– Высота 200 метров, скорость 290.

Нервно замигала желтая лампочка, и короткими гудками отозвался в кабине зуммер – это означало, что сработал сигнал от дальнего радиомаркера – до полосы оставалось четыре километра.

Машины пожарной и скорой помощи уже подтянулись по рулежным дорожкам к посадочной полосе номер четыре.

Диспетчер дал поправку:

– На глиссаде справа.

– Понял вас, – спокойно ответил командир и, стрельнув глазом на НПП – навигационно-пилотажный прибор, сравнил его показания с КПП – командно-пилотажным прибором системы посадки, слегка наклонил штурвал влево и левой ногой чуть-чуть выжал педаль. Белая вертикальная планка КПП приблизилась к центру, вошла в сектор кружка с желтым обводом и замерла точно посередине.

– Высота 150 метров, скорость 290.

– Ниже глиссады 10! – В голосе диспетчера почувствовалось беспокойство.

– Понял... – Едва заметным движением командир потянул штурвал на себя. Горизонтальная планка КПП сползла вниз, и теперь обе планки пересеклись в центре желтого кружка.

Идеальный случай. Почерк аса.

Второй пилот восхищенно улыбнулся и бросил короткий взгляд на командира, что было не положено. Счет шел на секунды и доли секунд...

Сколько в жизни Степанова было таких трудных посадок, и каждая оставляла после себя след. Не в памяти, где-то глубже... Он очень любил Ил-62 и знал, что машина его не подведет, надо только самому не сплеховать, довести ее по приборам до полосы, а там пустяк! Посадить! И все. Ведь никто не сомневается, что все будет хорошо, дамы надели украшения, мужчины повязали галстуки и даже побрились! Почему же он должен сомневаться?.. «А я и не сомневаюсь! – сказал себе Степанов и улыбнулся. – Надо только продержаться несколько секунд и не сойти с глиссады. Земли, правда, не видно, но когда-то она все-таки должна появиться перед глазами!»

- Фары включить! – приказал он, и тотчас голос инженера:
- Фары включены.

Кабина заполнилась неярким, отраженным от серой облачной массы светом.

- Высота 100 метров... 80... 60...

Снова стала мигать желтая лампочка, и загудел прерывистый зуммер – это сработал сигнал от ближнего приводного радиомаркера. До полосы один километр! Но ее не видно! За стеклами ночь. В свете фар рвутся налетающие на самолет клочья тумана.

Радист скороговоркой, какой мог бы позавидовать любой артист, доложил по СПУ самые последние данные условий посадки:

- Командир! Высота облачности 30, видимость 400, коэффициент сцепления 0,37!
- Понял вас... – спокойно ответил командир.

Высотометр показывал 45 метров! Двигатели пожирали последние литры керосина.

- Высота решения! – крикнул штурман, на лице его крупные капли пота.

Наступил самый ответственный момент! На принятие решения – садиться или не садиться – секунды, доли секунд, но, чтобы дать ответ, командир должен был оторвать взгляд от приборов и посмотреть на землю: видна ли она?

В диспетчерской аэропорта Шереметьево-2 переговоры членов экипажа передавались по громкой связи. Напряжение достигло крайнего предела.

- На второй заход у них не хватит горючего! – сказал инженер.
- Спасибо за ценную информацию! – Главный диспетчер бросил на него колющий взгляд.
- Высотометр на приборной доске в кабине лайнера показывал 40... 35 метров...
- Держать по приборам! – Эта команда относилась только ко второму пилоту, и он тотчас ответил:

- Держу по приборам.

Впервые за это время Степанов перевел взгляд с приборов на остекление. Из бушующей облачной мглы внезапно возникли огни горизонта – вереницы желтых огней, гирляндами сходящихся к красным входным огням, обозначающим начало полосы.

«В нужное время, в нужном месте...» – Степанов мысленно улыбнулся.

- 30 метров! – крикнул штурман.
- Садимся... – ответил Степанов.

С каждой секундой все ближе, все различимее посадочная полоса, все ярче красные огни ее порога.

Сотни глаз из диспетчерской вышки, автомобилей скорой и пожарной помощи, растянувшихся вдоль посадочной полосы, напряженно наблюдали, как вдали, из нависающих туч неожиданно появился сгусток навигационных и проблесковых огней идущего на посадку лайнера.

Беспрерывно и все плотней шли один за другим доклады в кабине самолета.

- Высота 25... 20...

– Полоса перед вами! – перекрыл всех голос ведущего диспетчера. На эту информацию командир не ответил, не было времени.

- ...10 метров... 8... 6... 4... 3... 2... 1!!! – Вот она – мокрая, скользкая, желанная.

Тяжело шваркнули о бетонку колеса и завертелись с бешеной скоростью.

- Реверс.
- Реверс включен.
- Торможу.
- Давление есть.
- Убрать реверс.
- Реверс отключен.
- Механизацию убрать.

– Спойлеры, закрылки убраны.

Тяжелый лайнер замедлил бег.

– Борт 86474 посадку произвел, – буднично доложил в микрофон Степанов, когда лайнер замер на мокрой бетонке.

В диспетчерской все спешили к лифту.

– Посадка произведена в 3:30. Сруливайте по РД-8, – голос ведущего диспетчера прозвучал уже в опустевшей вышке.

Перед лайнером появилась машина, на крыше которой светилось на русском и английском языках табло «СЛЕДУЙ ЗА МНОЙ».

– Возьми управление, – сказал Степанов Юре и открыл со своей стороны форточку. Кабина наполнилась свежим воздухом.

– Управление взял, – ответил Юра и повел самолет за дежурной машиной к месту стоянки.

В тесной кабинке стюардесс Ксения говорила в микрофон, она не могла скрыть волнения, голос был сухим и непослушным:

– Уважаемые пассажиры! Наш самолет совершил посадку в столице Советского Союза Мос... – Тут она отвела в сторону микрофон и разрыдалась.

Старшая стюардесса, расшаркивавшаяся в это время перед иностранными пассажирами первого салона, залетевшими вместо Ирландии в СССР, бросила перуанцев и примчалась в кабину стюардесс, ткнула в бок Ксению и выхватила микрофон.

– Ты что, дура! – спешно откашлялась и, включив микрофон, оттараторила положенный текст на русском и испанском языках.

Лайнер медленно катил по РД-8. Степанов снял радиогарнитуру и смотрел через открытую форточку на вереницы спасательных машин.

– Да, господа начальники... – сказал он с сарказмом, как бы самому себе. – Хорошего вы мнения о пилоте Степанове!

Миссия штурмана, самого старого члена экипажа, была закончена. Это тоже была работа аса, но аса, всегда остающегося в тени. Отдав волю чувствам, он в изнеможении навалился руками на свой крохотный столик. Этим полетом заканчивалась его летная карьера. Двадцать пять тысяч часов в воздухе! Больше, чем жизнь. Он чувствовал, что устал, что пора остановиться. Изба в деревне, внуки, огород... не так уж и плохо. Он поднял голову.

Едва лайнер замер на стоянке и двигатели, последний раз натуженно взревев, смолкли, к первой двери подогнули трап, а из подоспевших машин спецслужбы, скорой и телевидения выскакивали люди и бежали к нему.

Дождь лил не переставая.

Первой на ступени трапа подлетела настырная телерепортер с микрофоном, начальник охраны схватил ее за юбку, но не тут-то было! К раскрывшейся двери лайнера она подоспела первой, за ней двое в белых халатах.

Самолет осветили прожекторами, на трап ломились еще какие-то люди, и он мог просто рухнуть, но служба охраны уже заняла надежную позицию.

В темном провале дверей появился командир с блестящим контейнером в руках. Баба-репортер, не пуская напирающих сзади, брала интервью; ее помощник – телеоператор – стоял внизу, на бетонке, и, кое-как прикрыв от ливня обрывком полиэтилена камеру, снимал картинку. Наконец, получив информацию, репортерша отступила на полшага и пропустила вперед белые халаты. Степанов передал им контейнер со «сверхсрочным грузом», обменялся рукопожатием и даже улыбнулся. Как только белые халаты повернулись к нему спиной, прожектора погасли, стало темно. Машина телевизионщиков сорвалась с места раньше машины со «сверхсрочным грузом».

Степанов еще не успел сойти с трапа, как услышал сзади торопливые шаги, «неприкасаемый» – дипкурьер с брезентовым мешком – обогнал его и прыгнул в подъехавшую черную «Волгу». Чуть обособленно стояла кучка людей с жалкими обвисшими цветами. Степанов узнал некоторых начальников, поздоровался и прошел мимо, только потом догадавшись, что начинались торжественные проводы на пенсию его штурмана. «Потом позвоню», – решил он.

На разговоры, сдачу оружия и всякие формальности ушло чуть больше часа, разбор полета в силу разных причин перенесли на завтра или послезавтра. Все незаметно разбежались. Степанов шел к стоянке, где всегда оставлял свои «Жигули».

Глава 7

Светало. Дождь почти перестал, но низкие тучи закрывали небо, все вокруг было серым и тоскливым. Аккумулятор изрядно подсел, пришлось поработать ручкой. Машина покапризничала, но завелась.

«Я в Москве... И что теперь? Отсыпаться или переть на мифическое озеро? – думал Степанов. – Зачем?.. Доказать себе, что я не сумасшедший? Или убедиться в том, что Кеша Мечников, жених или бывший жених Ксении, мертв и потому шлюзы вспыхнувшей любви к девушке, которая вдвое моложе меня, открыты?.. Зачем мне все это?.. Ну, положим, озеро Холодное существует. Как сказал мой друг Гуров, это озеро я не раз видел на маршрутных картах, мог неоднократно наблюдать с высоты во время полетов при хорошей погоде, и информация о нем, естественно, отложились в каких-то дальних уголках памяти, и вполне естественно, что после хорошей встряски от электрического разряда океанского ската информация об этом озере могла неожиданно всплыть на поверхность памяти! То есть то, что я *увидел* озеро Холодное, никакого удивления вызывать не должно... Но вот все остальное: самолет, и не какой-то вообще самолет, а вполне конкретный “Юнкерс-87”, останки Мечникова в виде скелета... Интуиция?..»

– А если ничего этого там нет? – вслух произнес он.

Мотор прогрелся, и он выехал со стоянки. На унылой площади перед аэровокзалом не было ни одного автобуса и таксомотора, но зато появились первые пассажиры СУ-336, прошедшие таможенные формальности. На выезде с площади голосовал человек в светло-сером костюме с кейсом в руке. Степанов узнал Стрешнева и притормозил.

– Садитесь, – предложил он, открыв дверку.

– А, это вы? Приятный сюрприз, Владимир Петрович! – Он сел в машину, втиснул между ног кейс и тщательно вытер носовым платком мокрые от дождя лицо и руки. – За полчаса ни одной машины!

– Уж вас-то, Емельян Петрович, я думал, встретят по всем правилам!

– Не смешите, по каким правилам?!

– Сценарист! Госкино!.. Да и жены любят встречать своих мужей в аэропорту!

– Почему тогда вас не встретила жена? – уклонился от прямого ответа Стрешнев.

– Она давно ушла от меня.

– Никогда бы не подумал, что от пилота международных авиалиний может уйти жена!

– А вы думаете, легко быть женой пилота? – Машина стояла на перекрестке, и лица их вспыхивали слабым отсветом ближайшего светофора-мигалки.

– Никогда не думал об этом.

– Я тоже сначала не думал... – Убедившись, что путь свободен, Степанов выехал на шоссе. – Ну, как ваш сценарий? – Он вспомнил толкнувшего его на трапе дипкурьера с брезентовым мешком.

– А что?

– Да ничего... Я слышал, советник по культуре собирался прочитать его этой ночью? Вы надеялись получить от него ценные советы и замечания!

– Так что?

– Да ничего... Куда вас отвезти, Емельян Петрович? Я еду через весь город.

– Где-нибудь по пути выбросите...

– Простите, что задал вам вопросы, на которые вы не хотели отвечать, но, поверьте, это так, от скуки... Говорить-то о чем-то нужно... Чтобы не уснуть за рулем... – Степанов включил лежавшую на приборной доске магнитола. – Да к тому же, признаюсь, я никогда не видел так близко писателя или... как это... сценариста!

– А что, не похож?

– Нисколько.

– Наехали! – Стрешнев покачал головой и усмехнулся. – Может, последние известия послушаем?

– Ради Бога! – Степанов передал ему магнитола. Тот повертел ее в руках, быстро разобрался, что к чему, и включил в режим радиоприема, но на всех волнах была музыка. – Хорошая штучка.

– Очень... – согласился Степанов и переключил внимание на дорогу. Некоторое время ехали молча.

– По образованию я инженер... Микроэлектроника, компьютеры, связь...

– У кубинцев с этим проблема?

– Пока наши танкеры будут ежедневно привозить на Кубу нефть, у них не будет никаких проблем!

– Похоже, вы хорошо знаете Кубу? – съязвил Степанов.

– Я совсем не знаю Кубы... И ничего не видел, кроме виллы Хемингуэя. Кстати, не понял, почему он так далеко от моря построил ее?

– У всех нас могут быть какие-то странности, прихоти... Он, любя море, купил виллу в нескольких милях от моря, хотя, наверное, мог купить ее или построить на самом берегу... Вы, совершенно не зная Кубы, пишете о ней киносценарий, к которому в высших сферах сразу проявлен такой интерес... Согласитесь, странно! – Степанов бросил на него короткий взгляд, Стрешнев в этот момент почесывал не очень приметную, но болезненную шишку на левом виске. – Кстати, не на вертолете шишку набили?

– Там... – совсем неохотно ответил Стрешнев.

– О вашем приключении я узнал несколько раньше, чем услышал об этом от Гурова на банкете. – Степанов опять глянул на Емельяна Петровича и, заметив на лице его удивление, продолжил: – Мы в момент вашего ЧП были как раз под вашим вертолетом на рыболовном катере. Точнее, я плавал с аквалангом на мелководье, а мой второй пилот и стюардесса были на палубе и все видели, им даже показалось, что вы падаете прямо на катер, они видели ваши лица...

– Так это были вы?! – Впервые за время разговора у Стрешнева заблестели глаза, на лице отразились какие-то эмоции.

– Мы... мы, Емельян Петрович!

– Нет-нет, просто Емеля! Зовите меня Емеля!

– Емеля так Емеля!

– Я тоже видел белый катер! Туристский! Маленький! А метров за сто перед ним аквалангиста в ластах! Неужели это были вы?!

Степанов улыбнулся, довольный тем, что видел теперь перед собой не манекен, а настоящего живого человека. Только теперь, в эту минуту, между ними образовалась какая-то связь, тонкая ниточка доверия.

– Боже, как тесен мир... – Емеля повернулся к Степанову и по-детски широко улыбался.

Они ехали по городу. Степанов узнал, что Емеля недавно женился, что жена его работает в ежедневной газете корреспондентом и часто ездит в командировки; что сам он имеет десять прыжков с парашютом и права на пилотирование спортивного самолета... К моменту расставания они были почти друзьями. На Пушкинской площади Емеля попросил остановиться. Степанов дал ему свою визитную карточку, Емеля полюбовался ею и спрятал в карман.

– Такой у меня нет... – сказал он, ставя на колени кейс и ловко, двумя ногтями, вытаскивая из уголка ручки крохотный кубик с коротким пружинистым хвостиком. – Пусть это будет моим маленьким подарком вам вместо визитной карточки... Может, когда пригодится? – Он положил загадочный предмет на ладонь Степанова.

– Что это?

– Игрушка! – отшутился Емеля. – Вы можете положить ее где угодно, а вот по этому приемнику вот на этой волне... – он показывал Степанову его же магнитола, – можете слушать все, что происходит вокруг... Мощность ничтожная, поэтому расстояние на открытом пространстве не больше четверти километра, а в помещении – не дальше соседней квартиры...

– Радиомикрофонный чип! – сказал Степанов.

– Точно... Включен постоянно... Через полгода можно выбросить...

– Спасибо, но мне некого подслушивать! – Степанов хотел вернуть подарок.

– Не загадывайте наперед... А вдруг да пригодится?! А нет, так оставьте на память! – Он хлопнул дверкой и склонился перед открытым окном. – Ну а на начинающего сценариста хотя бы похож?

– Похож! – оба рассмеялись.

Через несколько минут Степанов поднимался по лестнице на восьмой этаж – лифт не работал. Полумрак и застоявшийся воздух встретили его, когда он открыл дверь. Возвращения в пустую квартиру были самыми неприятными минутами последние пять лет.

Она ушла неожиданно и просто. Однажды после очередной командировки – тогда он летал уже на зарубежных дальних линиях, – примчавшись из аэропорта домой, он нашел на столе записку: «Я позвоню тебе, но никогда не вернусь. Мы слишком разные люди. Прости. Полина». Он никогда не называл ее полным именем, говорил «Лина», и то, что она подписала записку своим полным именем, устанавливало между ними барьер, непреодолимую дистанцию.

Степанов очень любил Лину, но понимал, что жили они как бы не на равных. Он имел интересную работу, много друзей, впечатлений, приличную зарплату и постоянные длительные командировки. Короткие наезды домой не заполняли вакуума, в котором оказалась Лина. Ей досталось одиночество, заботы по дому, воспитание сына. Ради сохранения семьи и любви к Степанову она отказалась от всего – института, друзей и многого другого. Позже, когда они вернулись в Москву и он стал совсем редко бывать дома, а сын жил своей обособленной жизнью, она почувствовала себя совершенно одиноким человеком. Старые подруги, которые успели закончить институт, обзавелись семьями, ходили на работу, не вернулись к ней – поезд ушел, казалось, навсегда. Но однажды она встретила человека, который в далекой молодости, еще на первом курсе, недолго ухаживал за ней...

И вот теперь к одиночеству пришлось привыкать Степанову. Тогда, пять лет назад, Полина, как и обещала, позвонила, попросила развод, а потом навсегда уехала из Москвы к своему новому мужу, ученому-биологу, на Байкал. Где и как они нашли друг друга, Степанова не интересовало.

Памятную записку он окантовал вместе с большой фотографией, на которой он с Линой, оба молодые и безумно красивые, были изображены на альпийской поляне с налезавшими друг на друга вдали снежными горами. После некоторых раздумий повесил ее в гостиной на стене. Редкие гости подолгу смотрели на фотографию, но вопросов не задавали...

Он включил свет и бросил на тумбочку содержимое почтового ящика – несколько квитанций с просроченными платежами и пару конвертов. Прошелся по квартире, раздвинул шторы и открыл окна. По другую сторону улицы на зеленом холме стояла изумительно красивая церквушка, и он долго смотрел на нее, потом закрыл глаза и представил себя стоящим на коленях, под пустынными сводами храма, перед иконой Чудотворца Николая. Склонив голову, он просил святого Николая об огромной милости: помочь ему в преодолении пути к таинственной цели. Открытие тайны нередко было связано со смертью. Интуиция говорила ему, что путь к цели будет полон неожиданностей и смертельных опасностей. Он так углубился в молитву, что не сразу расслышал телефонный звонок.

– Вас слушают, – сказал он в трубку.

– Как доехали, Владимир Петрович?! – Степанов узнал голос Емели.

– Отлично!

– Извините, я просто так позвонил, хотел проверить, правильный ли телефон на визитке.

– Неправильный я бы не давал.

– Владимир Петрович, есть предложение... Моя Любаша в командировке... Давайте пообедаем где-нибудь вместе, а?.. А то, может, и не скоро следующий раз встретимся?!

– Мысль хорошая, но я занят... Давайте... через пару деньков! Идет?

– Тогда запишите мой телефон... – Емеля продиктовал номер, и Степанов, повторяя вслух, записал его на подвернувшемся клочке бумаги... – Звоните в любое время, а я вам буду звонить!

– Телефон записал и запомнил! Ориентируемся на послезавтра... Я буду свободен!

– Ну и отлично... Еще раз простите, до свидания...

Инженер-сценарист... Этот человек становился Степанову любопытен: ни с кем из киношников даже словом не обмолвился, будто и не знал никого. Зато на военном вертолете путешествует над северным побережьем Кубы, прыгает с парашютом, пилотирует легкомоторные самолеты, знает испанский, английский, якшается с «советниками по культуре»... А какими игрушками балуется... – он достал из нагрудного кармана рубашки «визитную карточку» Емели и внимательно осмотрел ее.

– Хороша игрушка! – Он осторожно положил на середину стола радиомикрофонный чип, затем достал с полки «Определитель самолетов» и поудобнее устроился под ярким светом настольной лампы. Полистал книгу и без труда нашел то, что искал: «Юнкерс-87» в трех проекциях и со всеми техническими данными, внимательно изучил рисунки, особо отметил входные и аварийные люки, остекление кабины пилота и вертушки стрелка – через них тоже можно было попасть в самолет...

Большой географический атлас был под рукой, но здесь его ждало разочарование: на нужной странице озера Холодное не оказалось. Маргополь, Буяново – пожалуйста, а озера нет. Степанов тяжело вздохнул. Общедоступные карты и атласы, планы городов часто представляли собою шарады, и это было еще одной нашей национальной чертой. На таких картах, чтобы сбить с толку пронырливых врагов и шпионов, не обозначались большие города и водоемы, дороги заводили в тупик и обрывались, многие реки текли в другую сторону, а лесные массивы обозначались как непроходимые болота. Степанов пожалел, что не стащил в штурманской секретную карту для служебного пользования.

Поразмыслив, он прочертил красным карандашом путь от Москвы до озера Холодное, а само озеро нарисовал синим карандашом, точно таким, каким увидел его с самолета несколько часов назад. Прикинул расстояние, получилось что-то около 450 километров... За день можно успеть...

Усталость давала о себе знать, но решение было принято. Сняв летную форму и слегка размявшись, он набрал междугородный номер. На том конце ответили почти сразу.

– Это я, Кира... Ничего не случилось, просто Шеннон не дал посадки, пришлось прямо до Москвы лететь... Да иначе и не знаю, когда бы и вернулся... Все хорошо...

Это была невестка, сидевшая по причине беременности дома, а его сын Алеша уже ушел на работу. Оба они были художниками-реставраторами, имели комнату в коммунальной квартире, но зато в центре Ленинграда, и ни о чем другом пока не мечтали.

– Мама не звонила? – поинтересовался Степанов и услышал, что мама звонит часто, но связь с Иркутской областью очень ненадежная и слышимость всегда плохая.

Степанов очень хотел, чтобы сын с семьей жил в Москве, и всякий раз в телефонном разговоре просил его об этом, но тот, похоже, за время студенчества полюбил Северную Пальмиру больше самой Киры, потому что и слышать не хотел о переезде. А иногда было так одиноко и пусто...

– Когда сына родишь? – спросил на прощанье Степанов.

– Очень скоро! В бабье лето крестить будем, приезжайте, папа!

– Обязательно, Кира... Обнимаю, целую... Алешке привет! – Он положил трубку. Как приятно, нежно прозвучало... ПАПА.

Стрелки стенных часов и будильника давно замерли и показывали разное время; на полу, столах и книжных полках лежала пыль, через открытые окна в квартиру ворвалась проснувшаяся Москва.

Сборы были тщательными и быстрыми. Новейший акваланг замкнутого цикла с полным запасом воздуха наконец-то дождался своего часа, автоматически надувающаяся резиновая лодка тоже была готова к первому плаванию; запас алкоголя, походный примус, спички... Степанов подумал, что маленький пистолет, бесполезно болтавшийся у него на поясе во время каждого полета, теперь бы не помешал ему, но вместо него он взял острый, как бритва, нож с длинным широким лезвием, предназначенный для подводной охоты. В последний момент вспомнил об удочке и прочих рыболовных принадлежностях. Все это загрузил в машину, еду закупил в ближайшем гастрономе.

Потом вернулся в квартиру, закрыл окна и внимательно осмотрел все, заметил подарок Емели и, улыбнувшись, сунул его в карман рубашки, где лежали проездные документы и удостоверение личности. Атлас и «Определитель самолетов» так и оставил на столе открытыми.

Осенив квартиру крестным знамением, он готов был переступить порог, когда зазвонил телефон, и он на какое-то время задержался в дверях. Телефон звонил и звонил. Но точка была поставлена. Степанов покинул квартиру и закрыл дверь на ключ...

Глава 8

Если бы Степанов ответил на телефонный звонок, то события развивались бы по совершенно иному сценарию, а жизнь повернула бы в несколько иное русло, но он не взял трубку, и стоит ли в таком случае говорить о том, чего не произошло?

Степанов не прошел очередной техосмотр, на лобовом стекле «Жигулей» красовался выгоревший прошлогодний талон, и каждый инспектор мог, остановив его, отобрать права, снять номера, арестовать машину – словом, сделать с ним что угодно, и тогда поездка к Холодному была бы сорвана, а потому ехал он по городу крайне осмотрительно, соблюдая все правила и стараясь подальше держаться от «осевых» и «обочинных» ментов. Впрочем, делал он все это автоматически, подсознательно, голова была занята другим. Припоминая служебные карты и недавние события, он вдруг обнаружил, что путешествие его может оказаться куда более опасным, чем подсказывала интуиция. И озеро Холодное, и окружающие его огромные лесные пространства попадали в границы прошлогодней черныбыльской катастрофы. Что его ждет? Кордоны? Безлюдные деревни? Мертвые леса?..

Благополучно миновав пикет на пересечении с Кольцевой дорогой, он включил магнитола и нажал на педаль газа, машина резко набрала скорость.

Во время обгонов, когда стрелка спидометра отклонялась к ста десяти, ста двадцати километрам в час, старая машина тряслась и, вместо того чтобы прижаться к асфальту, готова была оторваться от него и взлететь, так и хотелось крикнуть бортинженеру: «Выдвини спойлеры и закрывай!» Завершив очередной обгон, Степанов сбавлял скорость и переводил дух. Машина дышала на ладан...

Где-то на полпути на обочине лежал опрокинутый грузовик, шофер сидел на подсохшем днище и курил. Чего ждал? Помощи, тюрьмы?.. Все проезжали мимо.

Музыка смолкла, Степанов в очередной раз сменил кассету, вот-вот должен был появиться долгожданный указатель. Сбавив скорость и заняв правый ряд, он наконец увидел его, скатился на второстепенную дорогу и облегченно вздохнул.

Машин стало меньше, а на душе спокойнее. И музыка звучала как-то особенно проникновенно. Русские романсы были частичкой самого Степанова, они помогали пилотировать самолет, вести машину, отдыхать, спать, а главное – думать...

Отлетали назад деревни, фермы, все плотней подступали леса, на всякий случай он сбросил газ – по его расчетам, где-то неподалеку был последний поворот. Самого поворота на автомобильной карте не было, а вот бензоколонка была, и ее нельзя было проскочить. Пока что на этой дороге он не встретил ни одного ориентира или указателя; иногда, правда, возникали километровые столбы с выцветшими цифрами, но что они обозначали, понять не представлялось возможным. Бак был почти пуст.

И вдруг справа показалась бензоколонка! Степанов подъехал к ней и впервые за долгие часы путешествия вышел из машины. С удовольствием расправил плечи и потянулся. Проверил крепление рыболовных принадлежностей на крыше, ткнул ногой в каждое колесо и только после этого сунул наконечник шланга в бензобак.

Заправщица клевала носом, он разбудил ее стуком в окошко и подал деньги.

– Тридцать пять! – сказал он и вернулся к машине.

Пока перекачивался бензин, он еще раз внимательно осмотрелся. На выезде стоял обшарпанный и слегка покосившийся указатель на два направления: назад – в Буяново, вперед – в Маргополь, а сразу за бензоколонкой неприметный съезд на проселок... Мимо, один за другим, проехали два порожних грузовика. Степанов завинтил крышку бензобака и посмотрел на заправщицу, та снова спала, навалившись руками и лицом на столик. Наводить справки у пьяной бабы показалось ему бессмысленным. Вокруг не было ни одной живой души.

Погода менялась к лучшему, стало светлей, вдали черные тучи пронзил солнечный лучик. По количеству отмеренных счетчиком километров, по биению сердца и какой-то особой наэлектризованной тишине Степанов чувствовал, что озеро где-то здесь, почти рядом.

Он сел в машину и не включил, как обычно, магнитофон. Долго слушал, как работает двигатель, – бензин оказался дерьмовым. Открыв замок капота, он вышел из машины, подправил угол зажигания и режим холостого хода, после чего решительно сел за руль, газанул несколько раз и свернул на проселок.

С обеих сторон надвинулся мрачный лес, ветки могучих берез и елей сплетались над головой. Он старательно объезжал лужи, колдобины и выпирающие валуны; на подсохшем участке заметил след проехавшей недавно машины. Значит, есть куда ехать! Значит, озеро там... А вот еще свежий след... и еще! Пропавший год назад пилот, озеро Холодное, какой-то самолет и сама поездка, окутанные его воспаленным воображением аурой таинственности, вдруг показались нелепицей, бредом, и он на какое-то мгновение готов был рассмеяться и повернуть назад, в Москву, но внезапно нога ударила по тормозной педали – мотор заглох! Спину прошиб пот, дыхание остановилось.

На склонившейся к дороге сухой еловой ветке сидела огромная черная птица и большими немигающими глазами сверлила и гипнотизировала его сквозь лобовое стекло. Она была так близко, что ее можно было рассмотреть в мельчайших подробностях – пестринки на груди, аккуратные ушки с метелочками, голые когти, а главное – эти круглые желто-зеленые глаза! И они смотрели прямо в глаза Степанову!

В лесу была мертвая тишина, через открытые окна автомобиля слышался лишь звук стекавших с днища в лужу капель.

Степанов перевел дыхание и устыдился испуга. Птица – это был филин, самая крупная на территории России птица из рода сов – преградила путь. Ее следовало прогнать. Или попросить. Она сидела метрах в трех над дорогой, и машина могла спокойно проехать под ней, но Степанов поймал себя на мысли, что не может сделать этого. Филин был хозяином леса, здесь была его территория, он никого не боялся и не собирался делать кому-то исключение. Степанов нажал на сигнал, еще, еще... Филин сидел не шелохнувшись, продолжая гипнотизировать его взглядом. Степанов нажал рычажок дальнего света – глаза филина захлопнулись. Мощно оттолкнувшись, он расправил широко крылья и, едва не коснувшись машины, полетел в чащобу, задевая и ломая поросль и устрашая округу пронзительным гортанным криком.

Подождав, пока все стихло, Степанов вышел из машины, вдохнул полной грудью сырого холодного воздуха, успокоился.

Потом включил музыку и поехал дальше. Вскоре заметил на краю дороги мотоцикл и двух парней, которые просили остановиться. Обрадовавшись встрече, он притормозил.

– Полдня стоим! – ошалело, еще не веря своему счастью, выпалил паренек в распахнутой рокерской тужурке с множеством блестящих заклепок и драной тельняшке. – Хоть бы кто проехал! – Он почему-то поднял с земли сложенный мольберт и надел его на плечо, будто собираясь немедленно ехать.

Второй парень, постарше, в такой же тужурке, но на голое грязное тело, и протертых брюках, заправленных в бывалые солдатские сапоги, голенища которых были щеголевато подвернуты, сидел как бы в сторонке на обрубке бревна и недобро смотрел на Степанова.

– Выручай, отец... Дай хотя бы клея! – Парень с мольбертом кивнул на спущенное колесо мотоцикла.

Это был выдавший виды Иж с одним цилиндром в триста пятьдесят кубиков, изначально предназначенный именно для таких дорог.

– А не хотя бы? – Степанов пригнулся к переднему колесу, намереваясь рассмотреть серьезность прокола.

– Не хотя бы? Разворачивай тачку и вези нас в Буяново. Всего сорок километров... Или ключи давай! Сами доедем... – Второй парень кряхтя поднялся и вразвалочку пошел на Степанова, припрятывая за бедром нож.

Степанов выпрямился и повернулся к парню, его не смутила и не озадачила создавшаяся ситуация. Как раз к этому он и был готов.

– Дыба! Не надо! – попросил парень с мольбертом.

– Нож-то, небось, хорошо наточил? – спросил Степанов.

– Потроха выпущу – узнаешь! – Парень медленно надвигался на Степанова и уже не скрывал нож.

Послышался звук приближавшейся навстречу машины и через какие-то секунды перед ними остановился заляпанный грязью милицейский уазик. Парень едва успел спрятать нож.

– Есть проблемы? – Из окошка высунулась красная рожа капитана ГАИ.

Появление гаишной машины было столь неожиданным, что у Степанова буквально онемел язык. Именно у него, капитана местной ГАИ, он мог навести любые справки об озере, дороге и о чем угодно, мог, наконец, попросить помощи и защиты, но все это даже в голову не пришло, он был запрограммирован на совершенно иные действия и поступки, а потому ответил хоть и не тотчас, но совершенно спокойно:

– Да нет, помочь ребятам надо: прокололись! – Гаишник прощупал взглядом парней, мольберт подействовал на него успокаивающе, задержал взгляд на проколотой шине, удочках на крыше «Жигулей», впился заплывшими глазками в Степанова и, не сказав больше ни слова, газанул и поехал дальше. Стало тихо, девственный лес быстро поглощал звуки.

Сложив на груди руки, Степанов смотрел на парня.

– Лыбишься?.. Давай, давай... – Парень извлек из незаметной складки финку и пошел на Степанова.

– Дыба! Остановись... Не надо, Дыба! – Парень с мольбертом сделал было шаг, но остановился в испуге. – Ты ведь не такой!!! Дыба-а!!!

Но Дыба шел. Когда расстояние сократилось до вытянутой руки, Степанов вытащил из-за пазухи огромный, с широким лезвием нож. Дыба обомлел, пальцы сами разжались, и финка упала под ноги.

– Этот нож острее бритвы, и я умею им пользоваться... – тихо и очень спокойно сказал Степанов. – Нет, я не убивал людей... Он не раз спасал меня от акул...

– Я так... попугать хотел, батя... – едва переводя дыхание, произнес Дыба.

– А я нет... – Степанов говорил так же тихо, каждое слово звучало емко и основательно. – Я остановился, чтобы помочь тебе, а ты на меня с ножом... Ублюдок, зачатый на помойке...

Губы парня дрожали.

– Я не ублюдок.

– Выброси нож.

Дыба поднял с земли финку и отбросил ее в болото.

– Я не ублюдок... – тихо, но упрямо повторил он.

– Теперь долго доказывать придется, а главное – себе это докажи... – Степанов медленно спрятал нож и совсем другим тоном сказал: – Клея у меня нет, но есть насос. Если вы будете все время подкачивать шину, то спокойно проедете не только сорок, но и сто сорок километров.

– А вы? – Дыба поднял глаза на Степанова, они были влажные, и Степанов пожалел его.

– Обойдусь... – Он вернулся к машине, разыскал в багажнике насос и протянул его Дыбе. – Порыбачу на Холодном, а послезавтра той же дорогой – домой! Давайте на бензоколонке встретимся, там и отдадите насос.

– Вам не доехать до Холодного, – сказал Дыба.

– А вы там были?

– Туда никто не ездит! Болота! – поддержал товарища парень с мольбертом.

– А капитан разве не оттуда ехал?
– Может, и оттуда, да машина-то у него какая! Не «Жигули»!
– Ничего... Как-нибудь проеду. Цепи на колеса надену...
– Ну, если вы проедете, то и мы прорвемся. Завтра же разыщем вас!
– Честное слово, привезем! – Парень с мольбертом не мог погасить радости, что все так хорошо кончилось. – Хотите наш адрес?!

– Я и так верю. – Степанов сел в машину. – Счастливо! – Поднял на прощанье руку и осторожно, чтобы не застрять в грязи, объехал их.

Степанов видел в зеркале, как парни стояли посреди дороги и смотрели ему вслед. Первый же поворот скрыл их из виду. Он нажал кнопку магнитолы, салон наполнился музыкой.

Иногда лес ненадолго расступался и появлялись поляны, дорога среди них успела подсохнуть, и машина бежала веселее. Но такое счастье очень скоро заканчивалось, и дорога вновь превращалась в полосу препятствий, а скорость снижалась до двадцати километров в час.

После очередной поляны все пространство вокруг стало серо-коричневым, это был еловый лес, на вековых деревьях не было ни одной зеленой иголки. Над обочиной возвышался огромный щит, изрешеченный охотничьими дробовиками, с полинявшей надписью: «ВНИМАНИЕ! ЗОНА ПОВЫШЕННОЙ РАДИАЦИИ. ПРОЕЗД И ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН. ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!» Дорога со всеми ее сюрпризами была скрыта размокшей грязью. Приключения, кажется, начались, решил Степанов и заглушил двигатель. Достал из багажника цепи, купленные когда-то специально для экзотических путешествий и прогулок по бездорожью и ни разу так и не использованных, и почти час потратил, чтобы надеть их на задние колеса.

Скорость упала до предела, но езда стала надежнее – на километровом участке раскисшей дороги машина ни разу не забуксовала!

Голый лес далеко просматривался, яркие крупные мухоморы, желтые и белые поганки на необычайно больших ножках делали его еще более зловещим и мрачным. Наконец лес кончился. Впереди показалась брошенная деревня.

На шум мотора из кривой придорожной избушки вышел мужичок в ватнике и сдвинутой набекрень зимней шапке. Степанов остановил машину и высунулся из окна.

– Здравствуй, отец!

– Заблудился, что ль? – вместо приветствия сказал старик и скептически глянул на обутое в цепи колеса «Жигулей».

– Да нет... Отдохнуть хочу, рыбку половить!

– Это где ж ты рыбку ловить собрался?

– На Холодном.

– На Холодном?... Смел человек! – дед усмехнулся. – А закурить у тебя не найдется?

– Найдется... – Степанов достал из бардачка сигару и подал ее старику.

– У-у-у! – тот с благоговением принял диковинный дар и с искренним любопытством осмотрел со всех сторон. – Слышать слышал, а видеть не видывал... Это с какой же стороны ее в рот класть?

– Да с какой хочешь! – весело ответил Степанов. Старик еще раз поглядел на Степанова, на его простое приветливое лицо, и, видимо, проникнувшись к нему, предложил:

– А может... чайком охлестнемся?

– А почему бы и нет? – Степанов вышел из машины и потянулся так, что хрустнули косточки. – А где ж народ?

– А я и есть народ... Вот как есть... весь народ!

– Да... – Степанов осмотрелся вокруг: заколоченные избы, уныние, грязь. Ни скота, ни птицы... ни электрических проводов, ни антенн... – А как хоть называется деревня?

– Теперь никак... А раньше Васьково называлась. Я и сам Васьков!.. Все тут Васьковы были.

– Да... – горестно вздохнул Степанов. – Ну ладно... погоди минуту... – Он извлек из бардачка бутылку беленькой, пачку чая, потом порылся в багажнике и достал оттуда консервы, хлеб, еще что-то и еще, вполне подходящее для данного момента. Руки его были до самого подбородка загружены разной снедью. – А теперь пошли!

В избе пахло деревом и дымом, в печи догорал огонь. В замутненные стекла маленького, обращенного к дороге окошка бились мухи. Степанов вывалил припасы на выскобленный деревянный стол. Хозяин засуетился, нашел закопченный чайник с проволочной ручкой и выбежал из избы, но вскоре вернулся.

– Родниковая... – скромно похвастался он и ловко сунул чайник в печь. – Так он быстро... Мигом закипит!

Откуда ни возьмись появилась кошка, она терлась об ноги старика, совершенно игнорируя гостя. Она знала, что у старика для нее ничего нет, и потому круглый год жила на полном самообеспечении, вполне довольствуясь и дорожа лишь обществом одинокого человека да кровом, которым он охотно делился с нею.

Степанов сел на скамейку. Внутреннее убранство избы поражаало бедностью, боль сжала сердце. Когда на столе появились две щербатые тарелки да пара разнокалиберных алюминиевых кружек, он хотел принести из машины аэрофлотовскую посуду – тарелки, чашки, стопки, но решил, чтобы сейчас случайно не обидеть старика, отдать ему все это вместе с остатками продовольствия на обратном пути, а пока принялся открывать консервы, раскладывать поудобнее овощи, резать хлеб... Когда, наконец, старик сел на противоположную скамью, кошка прыгнула ему на колени, и он погладил ее.

– Как же ты тут живешь, дед?

– Так и живу... – Старик положил на лавку шапку. Вытащил из кармана подаренную сигару и повертел ее в руках.

– Отрежь кончик. – Степанов придвинул ему нож и показал сколько нужно отрезать. – Удобнее будет раскуривать...

Хозяин не спеша раскурил сигару, окутался едким дымом и с наслаждением прищурил глаза.

– Пробирает... – одобрительно сказал он, поглаживая кошку и задумавшись. – Когда-то народ был... Рожь сажали... скотина в каждом дворе была... Раз в месяц лавка приезжала... А теперь вот один и остался...

Степанов налил в кружки водки.

– А народ где ж? – повторил Степанов свой недавний вопрос.

– Кто мог, уехал... Остальные вымерли... Дай как тут жить? – Старик был не так уж и стар. Ему шел всего лишь пятьдесят седьмой год. И хотя в густых русых волосах и недельной щетине не просматривалось ни единого седого волоска, недоедание, постоянные жизненные лишения и тяжелый труд давно сделали его стариком. Он был худ, узкоплеч, а маленькое обветренное лицо было изборозжено глубокими морщинами.

– Рвал бы ты отсюда... – посоветовал Степанов.

– Куда?.. – горько и не сразу ответил старик. Они выпили. На щеках старика появились слезы. – Душу-то как ломает...

Степанов придвинул к нему банку открытой тушенки, но тот деликатно отстранил ее.

– Давно не пил?

– Давно... Вкус позабыл... – Степанов вылил в его кружку остатки водки, и тот выпил, потом несколько раз глубоко затянулся горьким сигарным дымом, окутав себя и пол-избы густыми синими клубами, и, испытывая блаженство, откинулся на бревенчатую стену. Свободная рука его нежно поглаживала кошку.

Степанов вышел на двор, глянул на небо, отметил, что погода явно улучшалась, небо разглаживалось, огромную, почти до горизонта поляну за деревней освещало желтое солнце.

Он помочился на крапиву и, прихватив из багажника все, что показалось ему лишним, – пару бутылок водки, буханку хлеба и пачку какой-то крупы, – вернулся в избу. Старик смотрел, как он сложил свои дары на краю стола, и не проронил ни слова.

Чай пили, обжигая руки, из этих же кружек. Цель была совсем рядом, и Степанову не терпелось как можно больше узнать об озере, но несколько вопросов, осторожно заданных старику, натолкнулись на стену: старик то ли и в самом деле ничего не мог сказать путного, то ли умышленно скрывал что-то. Во всяком случае, Степанов незаметно сменил тему разговора.

– Пора... – сказал Степанов и приблизился к поблескивавшей серебряным окладом иконе в дальнем углу. Старик зажег от уголька лучину и принес к лампаде огонь. Икона осветилась дрожащим светом. Пресвятая Богоматерь с Сыном Божиим на руках смотрела свысока на Степанова. По бокам из щелей между бревнами торчал сухой мох.

Тяжелая усталость незаметно налила тело. «Пять километров, – думал Степанов, – ну от силы полчаса... Пока место выберу, пока устрою ночлег...»

– Пора... – повторил он.

– Не езжай туда... – Степанов повернулся к старику и встретил жесткий холодный взгляд. – Дикое место.

– Да я и сам дикий... – отшутился он.

– Ну как хочешь... – Старик опустил руку с погасшей лучиной. Степанов направился к выходу.

– Так ничего ты мне про озеро и не сказал, – без обиды, просто констатируя факт, молвил Степанов.

– А ты сказал мне... что-нибудь? – Они стояли на крыльце. – Ты ведь не за рыбкой на Холодное едешь! – Степанов долго смотрел в глаза старику.

– Не за рыбкой... – тихо сказал он и направился к машине. Когда открыл дверку и собирался уже сесть за руль, услышал голос:

– Рыбак! – Старик оставался стоять на крыльце, коротким кивком он предложил ему вернуться.

Степанов замешкался было, но подошел. Старик повел его к сараю. В этот момент послышался гул приближавшегося вертолета, и тут же, едва не задев крышу, над ними пролетел вертолет «Сельхозавиации» со снятыми дверками пилотской кабины. Сам пилот в большом пластмассовом шлеме смотрел вниз и хохотал, видны были даже зубы. Степанов проводил его удивленным взглядом.

– Гадость всякую на землю сыпет... Вся дичь передохла! Так и норовит по голове чиркнуть, ветродуй стёбанный... Печь уже вся потрескалась, вот-вот развалится...

– Интересно...

Филин, парень с финкой, красная рожа мента, вертолет с пьяным пилотом... Внутри все напряглось.

– Пошли, – подтолкнул его старик.

Они зашли в сарай, дверь оставили открытой. Старик сдвинул с земли бревно и открыл хорошо замаскированный тайник – аккуратный склад оружия: карабин, парабеллум, взрывчатка, патроны в масляной тряпке – все старое, со времен войны, но готовое к применению в любое время.

– Бери... – серьезно, без хмеля в глазу, сказал старик. Степанов сжал губы и покачал головой.

– Тогда помолись, коли крест носишь. – Старик выпрямился. – Рыбка в Холодном дорого стоит... Места дикие... Я сказал.

– Что же там, лешие, водяные?

– Не знаю... – не обращая внимания на иронию, отвечал старик. – Може, и лешие, може, и водяные... А волки уж точно. – За калиткой старик показал Степанову спрятанный в траве род-

ничок: заботливо обложенный гладкими камнями, он был наполнен кристально чистой водой. – Вода в Холодном к питью непригодная. А рыбка несъедобная...

– Спасибо... – поблагодарил Степанов за предупреждение. В багажнике машины была припасена десятилитровая канистра московской водопроводной воды; что же касалось озерной рыбки, то он вообще не думал о ней. Он протянул гостеприимному хозяину руку. – Как звать тебя?

– Все стариком зовут, а вообще-то я Тихон Макарыч Васьков.

– Ну а я Владимир Петрович Степанов... Спасибо вам... – Он впервые сказал старику «ВЫ».

Глава 9

Уже более получаса машина, пробуксовывая, ползла по раскисшей дороге через заболоченный луг к дремучей опушке. День близился к концу, а озера все не было. В голову лезли всякие тревожные мысли. Может, напрасно он отказался от оружия? Уж пистолет-то никак бы не помешал!

Вдали у самой опушки он заметил человеческую фигурку. Подъехав поближе, убедился, что не ошибся. В небольшом рву, оперевшись на лопату, стоял кряжистый парень и наблюдал за ним. Степанову странным показалось, что поблизости не было ни машины, ни палатки... Как раз в этом месте дорога раздваивалась. Что мог здесь делать парень с лопатой? Очередной сюрприз?

Он остановил машину и вышел из нее, подошел к парню и, признав в нем безобидного черного следопыта, успокоился. На земле были разложены черепа, какие-то железки, на отдельной тряпице кресты и звезда с отбитой эмалью.

– Бог в помощь! – приветствовал Степанов.

– Здравсьте... – Парень изучал пришельца...

– Коллекцию собираете?

– Да нет, это так, попутно... Я безымянных героев войны откапываю... Русских солдатиков... Хотя и копать не надо – все так и лежат на поверхности... Общество «Следопыт», слышали?... Вон, сколько документов уже нашел!.. – Парень кивнул на горку истлевших бумажек и медальонов. – А на будущий год захороним всех. Памятник поставим!

Напрягшиеся нервы Степанова разгладились.

– Хорошее дело... Только как же вы тут один? – Он смотрел на кусок рогожи, под которой что-то лежало, придавленное сверху ржавой солдатской каской.

– Берите лопату! – весело откликнулся парень. – Помогайте!

– Да уж нет... Всего два дня в распоряжении, хочу порыбачить!

– Вот все так... – мирно, громко сказал парень.

– До Холодного я тут доберусь?

– Доберетесь, если рискнете: дорога, сами видите, какая! Сюда вот езжайте... Тут километра два или три... – он кивнул на правую дорогу.

– Спасибо! – Степанов направился к машине, а черный следопыт с лентой взялся за лопату, не сводя при этом глаз с рыбака.

Странный холодок пробежал по спине Степанова. Не оборачиваясь, он сел в машину и завел двигатель, осторожно тронулся с места. Вот и развилка! Он хотел уже ехать в указанном направлении, но в этот момент шум мотора вдруг превратился в шелест электрических разрядов и, дав газ, он резко свернул на левую дорогу.

Отбросив лопату, парень выхватил из-под рогожи автомат и выпустил очередь по быстро удалявшейся в лес машине.

Степанов успел скрыться за ближайшим поворотом, сзади протрещала еще одна очередь.

Через несколько минут отчаянной езды он оказался на крохотной поляне, с которой открывалась панорама тихого угрюмого озера. Ночь поглощала берега.

Он вышел из машины и приблизился к воде. Его колотила дрожь. Звенели комары, где-то далеко плеснула рыба... Над зеркальной водой нарождался туман...

Так вот оно какое, озеро Холодное... Продолговатое, слегка вогнутое и достаточно большое, чтобы быть отмеченным на картах. Противоположный берег с каждой минутой поглощался туманом и ночью.

Тревожные мысли переполняли голову. Автоматные очереди, которые без колебаний выпустил по нему парень, – это не пучеглазый филин и даже не ублюдок с финкой! Осторож-

ные намеки деда обрели теперь конкретный смысл и определенный вес. Ясно, что озеро скрывало тайну, может быть, не его, воображаемую и недосказанную тайну, а чужую, настоящую.

Надежда найти на дне такого большого озера самолет, пролежавший чуть ли не полвека, казалась ему сейчас нелепой, как никогда. Но отступать было поздно и некуда. Главнейшей заботой теперь должна быть одна – не разменять бы открытие тайны на собственную жизнь...

Степанов настолько устал, что не замечал полчищ облепивших его комаров. Спать в машине показалось ему рискованно. Слева и справа от мыска, на котором он остановился, была топь. Чуть поодаль от машины он все-таки нашел местечко, где под ногами не хлюпала вода. Перетащил туда спальный мешок, брезент, набросал под него побольше мягких веток, прикрепил специальными ремнями к ноге нож и залез в мешок. Ему видны были полянка с машиной, сам же он был недоступен посторонним глазам.

Едва устроился поудобнее, веки сомкнулись, он еще пытался составить план на завтрашний день, но мысли путались, голова наливалась свинцом...

То ли вспомнился, то ли приснился эпизод далекого прошлого. Он совершал тогда полные опасности рейсы с Кубы в Анголу. Официально – обычные пассажирские рейсы Гавана – Луанда, но на деле... Кабина Ил-62 была залита солнечным светом, внизу океан. Из нынешних членов экипажа тогда летал с ним только штурман. Салоны лайнера были до отказа заполнены кубинскими солдатами в военной форме с автоматами и касками на коленях, все иллюминаторы зашторены. В Анголе шла гражданская война. Советский Союз официально в этой междоусобице не принимал участия, Куба – тоже. А неофициально Куба с помощью Советского Союза переправляла туда тысячи «интернационалистов-добровольцев». Делалось это тайно, но тайной ни для кого не являлось. Особенно опасным всегда был последний этап полета.

Так случилось и в этот раз.

– Доложите Москве! – приказал Степанов. Бортрадист переключил тумблер на дальнюю связь и тотчас доложил:

– Москва! ЦДС! Докладывает борт 86522... 210 километров от Луанды! Истребители «Корсар А-7» с опознавательными знаками ВМС США, вооруженные ракетами, поднялись с ударного авианосца «Рейнджер» и опасно маневрируют по курсу лайнера с двумястами двадцатью мирными пассажирами. Слева и справа, крыло в крыло, идут параллельными курсами. Бортовые номера...

Степанов смотрел в левое стекло. Совсем рядом на одинаковой скорости летел военный истребитель с опознавательными знаками ВМС США. Хорошо видно лицо американского летчика. Он смотрит на Степанова, хохочет и делает рукой знаки, показывая, как он собьет лайнер и тот упадет в океан...

Степанов повернулся к правому стеклу. Через плечо второго пилота увидел аналогичную картинку, только в кабине «Корсара» – негр. Белые зубы, улыбка...

Руки сильнее сжали штурвал. Американскому пилоту ничего не стоило занять позицию для атаки и выпустить ракету.

Москва была слишком далеко.

Вдруг раздался грохот, лайнер содрогнулся, и Степанов со вторым пилотом с трудом удержали штурвал – это шутки ради третий истребитель пронесся над лайнером и, обогнав его, круто взял вверх, обдав мощной спутной струей. Огненный смерч по курсу удалился и превратился в едва различимую точку.

Пилот слева захохотал и отвалил в сторону.

Когда грохот истребителей утих, Степанов понял, что в ушах, в голове давно уже звучит шелест электрических разрядов. Он открыл глаза.

Он лежал на брезенте в густом кустарнике, спальник мешок, скомканный, валялся в ногах. Вдали, то и дело замирая, надрывно ревел мотор приближавшейся машины. Степанов приподнялся и тут заметил над самым лицом свесившуюся с ветки гадюку. Замер, успокоился,

потом решительно схватил ее за шею у самой головы. Черная, в кольцах, она обвила руку и пыталась вырваться, укунить, но Степанову еще раз повезло – уж слишком удачно схватил он ее.

Звук машины приближался.

Глава 10

Через минуту на мысок из леса выехал уазик, он остановился поблизости от машины Степанова. Шофер, юркий моложавый парень с давно не стриженными волосами выпрыгнул на влажную травку и, обежав фургончик, услужливо распахнул дверь салона и помог выйти из него пожилому благообразному человеку в несколько старомодном полудачном-полудомашнем костюме и совсем не модной соломенной шляпе. Человек поправил очки и осмотрелся.

Степанов облегченно вздохнул, но остался в укрытии, его смутило то, что уазик появился совсем с противоположной стороны, где, как ему казалось, и дороги-то никакой не было. И потом... приезжие, словно сговорившись, не проявляли никакого интереса к его машине. Они вытряхивали из уазика довольно солидный багаж: палатку, туристскую мебель, мешки, термосы, телевизор, хотя, впрочем, работой занимался шофер, а благообразный пассажир указывал, куда и что класть.

Говорили они громко, вроде бы непринужденно, но подозрительному Степанову и в речи, и в движениях неожиданных гостей чудилась какая-то игра. Понаблюдав еще немного, он все-таки успокоился и вышел из укрытия.

– Здравствуйте...

– Здравствуйте! – Пожилой мужчина с блеклыми голубыми глазами закатывал рукава потерявшего былой лоск чесучового пиджака. – А я-то думаю, кто мое место занял? – Он церемонно приподнял шляпу и засмеялся располагающе, дружелюбно, искренне. – Нет-нет! Это я так... Места всем хватит!

Шофер, с виду глуповатый малый, кивнул Степанову и, не мешкая, стал вбивать колышки для палатки.

Солнце давно поднялось, в кустарнике изредка перекликались птицы, над тихой озерной гладью летали чайки.

– Дивное место... – сказал Степанов. – Только вот... – Он приподнял руку со змеей, и приезжий сделал вид, что только что заметил ее.

– Бог мой! Вы смелый человек! Это ж гадюка!

– Будешь смелым, когда она перед носом оказалась... – Лицо пожилого мужчины выразило крайний испуг и удивление, и Степанов пояснил: – На ветку забралась!

– А вы там какали?

– Спал!

– Почему не в машине?

– Она провонялась бензином! – Степанов подошел к берегу и с размаху бросил змею в воду. Ее тотчас подхватила чайка и с пронзительным криком полетела прочь, а другая чайка бросилась в погоню, чтобы отнять добычу.

– Давайте знакомиться! Круглов Николай Ильич, по профессии лингвист, по пристрастию – рыболов, а по призванию – лентяй! – Он протянул Степанову руку и замер в ожидании ответа.

– Степанов Владимир Петрович, дилетант-рыболов...

– Тогда мы с вами помиримся! – весело сказал Николай Ильич. – Я вижу, вы тоже недавно приехали?

– Поздно вечером...

– Здесь отличный клев. Я каждое лето приезжаю сюда два-три раза. Главная добыча – шуки! На блесну, конечно! Ох, какие здесь шуки!

– А вы по какой дороге ехали? – неожиданно спросил Степанов.

Николай Ильич на мгновение замешкался.

– Да тут всего одна дорога, если ее можно назвать дорогой! Но в этом и прелесть – людей никого! Целина!.. Правда, на последнем километре слегка заблудились, пришлось по лесу поплутать, да ведь для нашего вездехода это не страшно!.. Ну, простите, еще наговоримся, а пока не буду вам мешать!

Николай Ильич суетливо и не очень ловко помогал своему шоферу. Степанов выволок из кустов брезент и спальный мешок; стараясь не слишком обращать на себя внимание, обошел машину и внимательно осмотрел ее: несколько пулевых отверстий украшали заднюю стойку и багажник. «Не дай Бог, лодку продырявил!» – подумал он.

Угасшая ненадолго тревога вновь охватила его, он вспомнил о подарке Емели, вытащил из кармана рубашки радиомикрофонный чип и незаметно спрятал его в пулевое отверстие в задней стойке машины, потом вывернул наизнанку спальный мешок и бросил его для просушки на крышу, прикрыв простыней дырку от пули. Стараясь ничего не забыть, тщательно готовил все необходимое для первой экспедиции по озеру, одновременно приглядывая за суетливым соседом и шофером, который ручным насосом накачивал лодку.

Но и соседи его, стараясь себя не выдать, следили за каждым его движением.

Шофер вытер пот и подтащил лодку к воде.

– Все! – рапортовал он. – Пора ехать, Николай Ильич. Дорога дальняя!

– Палатку надо было правей поставить... И колышки кое-как вбил... – брюзжал Николай Ильич, дергая ногой обвисшую натяжку. – Да ладно, сам все сделаю... Езжай! – Круглов повернулся к шоферу. – Ровно через неделю приезжай в это же время за мной.

– Не оставляю вас здесь одного! Заберу! – Шофер сел в машину и завел мотор.

Степанов прервал приготовления, хотел попрощаться с шофером, но тот даже не смотрел в его сторону. Лихо крутанув руль и дав задний ход, он въехал в кустарник, на какое-то время остановился, шумно, со скрежетом переключил скорость и рванул в лес, туда, откуда приехал.

– Болван... – сказал, глядя ему вслед, Николай Ильич. – Опять будет по лесу плутать! Видели, как машину помял и исцарапал? Одно слово – не своя!

– Вы во сколько вчера выехали? – поинтересовался Степанов.

– Вечером... Всю ночь ехали! Дорогое в общем-то удовольствие... если учесть, что машину из собственного кармана оплачиваю! За шесть полных смен денежки в кассу внес... Да шоферу, естественно, сами понимаете... – Кряхтя, он стащил лодку на воду, бросил в нее подушку и спиннинг.

– Все еще работаете?

– А жить-то на что? На пенсию?.. – Он сел в лодку и оттолкнул ее веслом от берега. – Может, ко мне в лодку хотите?

– Нет-нет, у меня своя есть!

Степанов вытащил из упаковочного мешка лодку и бросил ее на воду, в течение нескольких секунд она автоматически надулась, выставив напоказ расписанные фирменными текстами бока. Дырок в ней вроде бы не было.

– Хорошо живете! – выкрикнул Круглов, и, пожалуй, впервые голос его звучал искренне.

– Да... – уклончиво ответил Степанов. – Лодка замечательная! При желании можно и мотор поставить. – Он перенес в лодку необходимое снаряжение и, слегка разбежавшись, и сам прыгнул в нее.

Какое-то время они держались на середине озера недалеко друг от друга. Из магнитола Степанова тихо звучала старинная русская песня «Степь да степь кругом».

Круглов с наслаждением слушал, а когда песня кончилась и Степанов выключил магнитола, смотал леску спиннинга и подгреб к нему.

– Не клюет?

– Не клюет.

– А вы знаете, Владимир Петрович, я ведь тоже большой любитель музыки. Только моя любовь – классика... Однако с этим романсом, э-э-э...

– Это песня, Николай Ильич, старинная песня, – равнодушно поправил Степанов.

– Ну пусть песня... Так вот, с этой песней у меня связано самое... э-э-э... самое сильное впечатление всей жизни!.. Я был совсем мальчишкой, когда неожиданно в сорок пятом попал в Кремль на прием по случаю Победы... И вы знаете, торжественный концерт начался именно этим романсом! Сталин очень любил его...

– Да, об этом часто писали в мемуарной и официальной литературе, – заметил Степанов.

– Подумать только, ведь зеленым юнцом был! – закончил свою мысль Круглов.

– Наверное, не только зеленым, но и шустрым? – Степанов улыбнулся.

– Что вы имеете в виду?

– Ну как же? Торжественный прием... Кремль!

– Да нет, просто судьба... Войну я закончил переводчиком штаба армии... Первым, кстати, попал в замок Альтхорн к архивам рейха, ну и, естественно, некоторое время по инерции в верхах парил после Победы... Отсюда и Кремль, Сталин... А впрочем, я опять разговори́лся! Вам ведь ничего этого не понять! Сколько?! Пять лет вам тогда было?.. Ладно, ладно... Простите, не буду мешать! Да и к берегу пора: про лекарства совсем забыл – старость, как говорится, не радость!.. А вам бы я посоветовал во-он туда перебраться! – Круглов взялся за весла.

– И верно... Здесь делать нечего! – Степанов намотал на катушку леску и стал грести в указанном направлении.

Ему предстояло осмотреть все озеро и потому не терпелось избавиться от опеки, и вот сам Круглов помог ему в этом. Он не знал, что за ним следили через окуляры мощного бинокля.

Поляна с «Жигулями» скрылась за изломом берега, теперь стала видимой южная оконечность озера, и ему захотелось приблизиться к ней. Но он не спешил. Прежде всего он хотел опробовать «игрушку» Емели. Осмотрелся, обвел взглядом дикие берега – вокруг не было ни души. Он притормозил веслами бег лодки, вытянул из магнитолы антенну, включил ее в режим радиоприема и настроил на указанную Емелей волну... И тотчас услышал голоса и звуки открываемых дверей автомобиля.

Первый голос: – Я говорил, что это не какой-то поц! Погляди!

Второй голос: – Что там?

Первый голос: – Опять летчик, вот что! Шереметьевское подразделение гражданской авиации, пилот первого класса Степанов Владимир Петрович!

Степанова обожгли слова: «Опять летчик!» Опять... опять... опять... Значит, один уже был? Он понял, что попал именно туда, куда стремился. Дело обретало серьезный оборот. Теперь он не уедет отсюда до тех пор, пока не расставит все по своим местам.

На поляне вокруг «Жигулей» хозяйничали два матерых парня – Марк и Худой – и шофер узи́ка Толик.

— Что-то вынюхали, падлы... Кончать его надо! – сказал Худой.

– Ильич скажет, кого и когда кончать. – Марк положил тяжелый взгляд на Худого.

Худой отвернулся и сплюнул. Подумав, открыл багажник.

– Что это? – Он приподнял предмет, напоминавший подушку с лямками и трубкой.

Марк и Толик подошли к багажнику. Все трое прощупывали глазами его содержимое, помимо непонятного предмета там находилось много всякой всячины. Толик украдкой спрятал в карман фотоаппарат-мыльницу. Марк стянул в могучий кулак рубашку на его груди.

– Положи на место... Следующий раз убью... – Он оттолкнул Толика, тот поспешил вернуть аппарат на прежнее место. – Ну что, недоучка, все еще гадаешь? – Худой опять отвел глаза, он, как и все, боялся Марка. – Это акваланг замкнутого цикла... Причем новейший! Никаких пузырей!

Недалеко от берега, на стреме, покачивалась лодка с Кругловым. Марк сделал ему знак, и тот, убедившись, что находится вне видимости Степанова, поспешил к берегу. Когда лодка теранулась о дно, он нетерпеливо выбрался из нее и мелкими быстрыми шажками подошел к машине. Дверки, бардачок, багажник – все было открыто. Ни к чему не прикасаясь, Круглов медленно обошел ее, стараясь ничего не пропустить мимо внимания. Марк указал пальцем на акваланг, а напоследок протянул удостоверение личности Степанова, оставленное им в кармане противосолнечного козырька. Круглов долго изучал его, потом вернул Марку, опустил голову и закрыл глаза.

– Мне все это очень не нравится... – наконец тихо и мрачно сказал он и бросил колючий взгляд на Толика: пустая лодка отплывала от берега.

– Ой! – Толик бросился в воду за лодкой.

– Не нравится... – еще тише, только для Марка повторил Круглов. – Закрой машину... Сделай все как было. Не спугнуть бы раньше времени. – Он еще раз обошел машину, впившись в нее напуганными злыми глазами. – Странно... странно... – Он поглаживал пальцами пулевой след на багажнике «Жигулей». – Даже словом не обмолвился! Будто каждый день свинцом его поливают!

Круглову очень не нравилось, когда кто-то нарушал его покой.

Лодка Степанова дрейфовала недалеко от берега в южной оконечности озера, закрепленная к резиновому языку удочка была наполовину погружена в воду. Когда хлопнули дверки машины и голоса отдалились, он еще некоторое время прислушивался к случайным трескам и шорохам приемника, потом выключил его и спрятал антенну. Он лежал на дне лодки и смотрел на проплывавшие облака.

Только сейчас Степанов понял, какую неоценимую услугу оказал ему Емельян Петрович Стрешнев, подарив столь гениальную безделушку. Озеро оказалось не таким уж глухим, а рыболов-любитель Круглов не столь уж безобидным старикашкой.

«Кешина жизнь кончилась именно здесь! Возможно, стараниями Круглова. Во всяком случае, Круглов все знает... На озере у него есть люди, о которых он ничего не сказал... И узик ни в какую Москву не поехал... И мое появление оказалось крайне нежелательным для них... Они боятся меня и хотят убить... То, что я все это знаю, – мое маленькое преимущество. Удержать бы его подольше», – думал Степанов.

Вдруг что-то кольнуло его внутри, словно током ударило. Он сел и осмотрелся. До берега было рукой подать, заросшие тростником и осокой мелководья упирались в непроходимые дебри смешанного леса, кое-где уже украшенные желтыми пятнами, – русское лето перевалило экватор. Он почувствовал, что давно замерз, дно лодки было необычайно холодным, и только сейчас он обнаружил, что вода вокруг как бы жила – то там, то здесь незаметно, бесшумно поднимались крупные пузыри, и он понял, что дрейфовал над родниками. Голове сделалось нестерпимо больно, шелест электрических разрядов переполнял ее и готов был разорвать на части. «Самолет здесь! Самолет здесь!» – кричал голос интуиции, и как только Степанов согласился с ним и решил начать поиск с этого места, боль прекратилась, тело обмякло. «Может, и в самом деле Бог говорит со мной?»

Рука невольно потянулась к фляжке с крепчайшим никарагуанским ромом, входившей в комплект снаряжения лодки, но задержалась. Нет, только не это, приказал себе Степанов. Игра началась, и нервы должны быть голыми, обнаженными...

– Господи... Спаси и сохрани... – Он взялся за весла. Две пары враждебных глаз прошупывали его через окуляры бинокля.

На изломе озера, когда взору открылся мысок с его машиной и оранжевой палаткой Круглова, появилась шальная мысль: а не осмотреть ли уж заодно и северную оконечность озера? Но очень быстро почему-то отказался от этой мысли, и правильно сделал! Судьба хранила его. И сейчас, и утром...

Там, где он не успел побывать, стояла давно брошенная людьми деревушка. После раскулачивания и немецкого нашествия в ней практически не осталось жителей, да и домов тоже... В середине сороковых деревню перенесли в другое место, ближе к дороге и полям, сохранив за ней прежнее название. Здесь же, на берегу озера, чудом сохранились две-три избы, в которых четвертое лето подряд, прячась от посторонних глаз, размещалась компания Круглова.

Степанов направил лодку к месту своей стоянки. Круглов, голый по пояс, бледный и худой, в старомодной соломенной шляпе, суеился вокруг костра, колдуя над закопченной кастрюлей. Мирная, идиллическая картина.

В три часа пополудни Круглов и Степанов, как добрые старые знакомые, сидели на складных стульчиках перед столиком с нехитрой снедью: вареным картофелем, консервами, бутылкой водки. На пеньке стоял цветной телевизор с примитивной антенной, а над костром что-то аппетитно бурлило в закопченном котелке.

– Неудивительно, что вы ничего не поймали! – сказал Николай Ильич. – Лучшая приманка на этом озере – черви, обыкновенные дождевые черви, их тут полно – копни только! На них идут окушки, язи, подлещики, а вот щуку только на спиннинг взять можно или на живца! – И он кивнул на уходящую с берега в воду леску... – А я еще утром подумал: как вы собираетесь ловить рыбу без червей?! – мелко и задорно засмеялся. – Простите, конечно, но сразу понял, что вы здесь впервые!

– Впервые. Не скрываю.

– А кто же вам подсказал это замечательное место?

– Никто... Как-то сам по наитию нашел! А вообще-то удивлен: красивейшее озеро – и никого из людей! Скажи – не поверят!

– Ничего удивительного... – Круглов поднялся и поправил на телевизоре антенну, изображение стало лучше, – сплошные болота, ни дорог, ни жилья, до ближайшей деревни, где народ еще не сбежал, десять километров... Да, между прочим... – он удобно уселся на плотный стульчик, – тут ведь и шагу без риска подорваться на mine или каком-нибудь снаряде не сделаешь – с войны все как было, так и осталось! Никому дела нет! А потом еще Чернобыль этот... Ведь все вокруг заражено... смертельно опасно... Так что, кроме шпаны, тут никого и не встретишь... Э-эх! – лингвист сокрушенно махнул рукой. – Давайте за знакомство, Владимир Петрович... По глоточку... И от радиации, говорят, помогает! – В этот момент в лесной глуши раздался выстрел, потом другой. Оба прислушались. Степанов попытался определить направление, и ему показалось, что это где-то там, на подъезде к озеру, где накануне стреляли по нему самому. – Шпана! Я ж говорил! – как об обычном, сказал Николай Ильич и выпил водку. – Старые окопы разрывают, озоруют... Да не обращайтесь внимания.

Степанов опрокинул стаканчик и ничего не сказал. Водка была из его запасов.

– А я в этих краях еще мальчишкой, после первого курса практику проходил, фольклор собирал... – Круглов вздохнул, и голубоглазое лицо его осенила сентиментальная улыбка. – Говор, местные наречия, старые обрядные песни, поговорки... Эх, молодость...

По телевизору показывали любопытный сюжет, Николай Ильич пророчно подскочил к нему и сделал громче звук.

«...ПАРАМЕТРЫ ТРЕБУЕМОГО ОРГАНА БЫЛИ ЗАЛОЖЕНЫ В ПАМЯТЬ КОМПЬЮТЕРА ГАРВАРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, И ВСКОРЕ В ОДНОМ ИЗ СПЕЦИАЛЬНЫХ ХРАНИЛИЩ США БЫЛА ОБНАРУЖЕНА ПЕЧЕНЬ ПОГИБШЕГО В АВТОМОБИЛЬНОЙ КАТАСТРОФЕ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА, КОТОРАЯ ПОЛНОСТЬЮ ОТВЕЧАЛА ТРЕБУЕМЫМ ПАРАМЕТРАМ. РЕЙСОВЫМ САМОЛЕТОМ “АЭРОФЛОТА” ПОД УПРАВЛЕНИЕМ ПИЛОТА ВЛАДИМИРА ПЕТРОВИЧА СТЕПАНОВА ПЕЧЕНЬ СВОЕВРЕМЕННО БЫЛА ДОСТАВЛЕНА В МОСКВУ... – На экране показан самолет, сильный дождь, затем крупно Степанов, передающий контейнер медикам на трапе самолета. — ...ТАК СОДРУЖЕСТВО УЧЕНЫХ ДВУХ СТРАН СЛУЖИТ ПРОГРЕССУ МЕДИЦИН-

СКОЙ НАУКИ. ТОЛЬКО ЧТО ЗАКОНЧИЛАСЬ ДЛИВШАЯСЯ ДЕВЯТЬ ЧАСОВ ОПЕРАЦИЯ, ЖИЗНЬ РАБОЧЕГО ШУБИНА ВНЕ ОПАСНОСТИ...» – На экране больничные помещения, врачи, машина скорой помощи, но самого реципиента – рабочего Шубина так и не показали...

– Вы? – Круглов удивленно смотрел на Степанова.

– Я... – просто ответил Степанов, пережевывая пищу.

– Зачем было скрывать, что вы летчик?

– Да чем же хвастаться? Не все ли равно? Ну летчик и летчик...

– Да... Вы, конечно, простите, Владимир Петрович, но я себя чувствую каким-то оплеванным!

Степанов удивленно посмотрел на Круглова.

– Да-да, оплеванным... Я к вам откровенно, всей душой... Хотя... – Николай Ильич смотрел на экран телевизора: певица что-то с придыханием шептала в микрофон, а добрые молодцы вокруг нее ритмично дергали бедрами, задирали ноги и вертелись то в одну, то в другую сторону, —...нынешнее поколение выбрало пепси... Простите, мы старики, иногда очень обидчивы... Может, вы и правы...

– Поверьте, Николай Ильич, у меня и в мыслях не было вас обидеть! Шофер, токарь, летчик – какая разница? Да вы и сами не спрашивали о моей профессии!

Круглов почувствовал, что перестарался, и теперь с удовольствием спустил возникшую напряженность на тормозах.

– Да я и сам удивляюсь себе! Чего это я? – он засмеялся. – И мир, и жизнь постоянно меняются, а мы, старики, частенько не замечаем этого! Пойду подкопаю червей для вечерней ловли!

– А я с аквалангом поплаваю, – сказал Степанов, и оба поднялись из-за стола.

– С аквалангом? – Круглов опять изобразил крайнее удивление. Выключил телевизор и уставился на Степанова. – Я не ослышался?

– Нет-нет, не ослышались... Пристрастился несколько лет назад, а теперь все свободное время на подводные путешествия трачу... И деньги тоже!

– Неужто неба мало?

– Мало. Могу и вас научить!

– Боже упаси! На этом озере муть одна, дно илистое, вода холодная! Я бы и вам не советовал плавать тут под водой... – Круглов казался озадаченным. – Где хоть вас искать?

– Там... – Степанов кивнул в южном направлении.

Глава 11

На северной оконечности озера, всего в восьмистах метрах от поляны, где беседовали Степанов и Круглов, в уцелевшем доме заброшенной деревеньки Васьково собралась небольшая компания.

Жизнь каждого человека складывается по-разному и состоит из бесчисленных вариантов коллизий и перипетий, нигде, казалось бы, не пересекающихся. Однако каждому человеку на определенном этапе жизни случается как бы остановиться, чтобы подумать, оценить пройденный путь, заглянуть в будущее, и вот тут-то многие делают для себя неожиданное открытие: оказывается, все, что они до последнего дня делали, никому не нужно, и сами они никому не нужны! Одни – их большинство – смотрят на это философски или с юмором и продолжают жить как жили, ни на что не надеясь и не претендуя; другие – бунтуют, совершая необдуманные поступки и бросаясь в разного рода авантюры, веря, что успеют что-то исправить и изменить.

Чувства ненужности, невостребованности, обманутости и одиночества – самые болезненные. Люди, испытавшие их, редко становятся героями, чаще – антигероями.

Николай Ильич Круглов (настоящую свою фамилию он тщательно скрывал, и ее никто не знал) был человеком умным и хорошо образованным. Своими жизненными воспоминаниями охотно делился с соратниками по делу.

Немецкий язык знал с детства, английский выучил самостоятельно значительно позже. Окончание университета совпало с началом войны. Анкетные данные позволили стать военным переводчиком в действующей армии. Постоянно находясь в штабе – на некотором отдалении от линии фронта, – он закончил войну без единой царапины в чине лейтенанта, с орденом Красной Звезды и двумя медалями на груди. Скромность оценки его заслуг задевали гордость и самолюбие молодого переводчика, но все изменилось в тот момент, когда во время авральных работ по сортировке и переправке в Москву архивов Третьего рейха ему на глаза попался хранившийся в единственном экземпляре бесценный документ о катастрофе грузенного золотом немецкого самолета! Он украл этот документ.

Став обладателем тайны озера Холодное, он скоро понял, что истинным хозяином лежавших на его дне сокровищ он никогда не станет, если не запасется стоическим терпением. Времена тогда были суровые – неосторожное слово, взгляд, резкое движение... и нет человека! Попробуй в таких условиях найти верных товарищей, без которых бессмысленно было даже думать о подъеме золота, а уж о плавсредствах и водолазных принадлежностях в те-то годы никто и знать не знал! Но Николай Ильич верил, что его время придет! Нужно ждать! Беречь здоровье и ждать, и одновременно тщательнейшим образом готовиться к грядущим счастливым дням.

Все эти годы, вплоть до ухода на пенсию, он проработал в закрытом хранилище публичной библиотеки, подрабатывая переводами частных документов и уроками отстающим студентам. Внимательно следил за меняющейся общественной и политической обстановкой в стране, летние отпуска проводил на Холодном, прощупывая свинцовым грузилом на восьмиметровом шнуре фюзеляж лежащего на дне самолета. Читал журналы, знакомился с нужными людьми и наводил справки об аквалангах, гидрокостюмах...

Долго, очень долго – почти сорок лет! – ждал он благословенных дней, когда начнется разложение, распад и когда без боязни можно будет взяться за дело. Перестройка прорвала шлюзы, отпустила тормоза, отбросила ограничители, все смешалось, перепуталось, стало возможным и дозволенным. Нет, не напрасно так долго и старательно Николай Ильич берег свое драгоценное здоровье с надеждой и желанием «хоть последние годочки пожить в свое удовольствие». Общество, которое он ненавидел и презирал, было готово ко всему.

Почувствовав себя большим хозяином, он тщательно подбирал команду. Подход к каждому был индивидуальным, но принцип – один: Николай Ильич говорил только правду.

– Вы не нужны обществу... Ему не только не нужен, но просто мешает ваш талант, ваша честность и искренность. Используя до конца, общество вышвыривает вас из своих рядов, так и не поделившись с вами теми благами, которые сулило в самом начале и которые вы честно заслужили... – Это всегда доходило до самого сердца и действовало безотказно. И естественно, вытекала мысль: – Отчего же вы, обиженный обществом, не можете поступить с ним так же, как оно с вами? Почему бы самому не взять то, что вам давно положено?! – Дальше – больше: – Людей много! Слишком много! Шесть миллиардов! Это что, общество? Цивилизация? Это микробы на гнилом яблоке. Если вы сами не позаботитесь о себе, не возьмете то, что по праву принадлежит только вам, никто никогда о вас не только не позаботится, не только не вспомнит, но и отнимет то, что у вас есть!

Случайная встреча существенно изменила план действий Николая Ильича.

Доктор химических наук Александр Иосифович Виленский, уволенный из секретного института и лишенный средств к существованию за то, что в начале семидесятых решил эмигрировать с семьей в Америку, обнищал, обветшал, долго не мог найти никакой работы. Семья уехала с надеждой, что вот-вот выпустят и его, но его не выпустили, сославшись на пункт в законе, по которому обладатели государственных секретов не имели права покидать Союз. В одиночестве и тоске начал спиваться, опустился до ночного сторожа и гардеробщика в поликлинике. Позже, правда, предлагали и в школе преподавать, и в институте, звали даже на прежнюю работу, но он уже не мог. Горечь и обида были слишком велики. Теперь, правда, можно было и в Америку уехать, никто не запрещал, но что ему там делать? Жена умерла, дети жили своей жизнью... Он долго не понимал или делал вид, что не понимал, чего от него хочет Круглов, пожилой интеллигент, в противоположность ему не потерявший интереса и любви к жизни. Ласково и сочувственно, иногда и цинично, он убеждал его ради детей и внуков уехать в Америку, но заявиться туда не бедным и жалким родственником, а богатым и сильным главой семьи, главой рода! Для этого стоило подкупить побольше денег. Побольше и поскорей! Как раз это и обещал ему милый и обходительный Николай Ильич: быстро, много и без всякого риска! Короче говоря, не очень помня, как именно, но согласился Александр Иосифович на роль главного специалиста в этом новом деле. В компании его звали Профессором.

Чтобы приступить к подъему со дна золота и драгоценностей, нужны были немалые начальные средства, достать их можно было только одним путем, в стране как раз наступал для этого благоприятный момент. Николай Ильич не упустил его, застолбив одним из первых свое место в нарождающемся бизнесе.

Четвертое лето подряд на берегу озера уже действовала отлично оборудованная лаборатория по переработке и производству синтетических запрещенных веществ. Действуя крайне осторожно и осмотрительно, уже в первое лето Круглов получил такие деньги, которые позволили купить не только технические средства для работы под водой, но и нужных людей, транспорт, оружие, и самое главное – обеспечить надежные каналы для перевода золота и валюты на Запад...

Развалившись на стуле, Профессор слушал звучащий через открытое окно сопровождаемый гитарой мужской голос, из его сомкнутых глаз лились слезы.

На ступеньке крыльца сидел с гитарой Марк, огромная овчарка лежала у его ног. Он отложил гитару и достал фляжку, сделал пару глотков. Распахнулась дверь, на крыльце появился Профессор.

– Хочешь? – Марк протянул ему флягу.

– Не лезет... – Профессор сел рядом. – Спой еще...

– Не могу...

– Спой.

– Не хочу... – Марк отпил еще немного и протянул флягу Профессору.

– Я ж сказал... – он отстранил рукой флягу. – Тошно... И так голова раскалывается.

– Но-но! – строго прикрикнул Марк. – Скоро нам предстоит работка... Кого этот поц за собой ведет?... Уж больно загадочно: опять летчик и опять с аквалангом!

Заработал уоки-токи, лежавший на ступеньке крыльца.

– Марк! Худой! Быстро ко мне! – послышался в крохотном динамике голос Круглова.

Марк вскочил на ноги и коротко свистнул, из соседней приземистой избы выскочили Эдик и Бином, встрепенулась собака, сидевший за рулем уазика Толик завел мотор. Все будто ждали этой команды.

– Может, лодку возьмем?! – Худой уже потянул за веревку резиновую лодку с мотором, которая лежала в высокой траве.

– Тебя просили об этом? – рявкнул Марк, и Худой бросил веревку. Когда уазик подкатил к полянке, где их ждал Круглов, лодка Степанова была уже в южной части озера. Приемник был включен, но молчал... Степанов нервничал. «Неужели что-то испортилось?» – подумал он, хотя не сомневался, что на мысе уже собралась вся компания Круглова.

Времени оставалось в обрез, солнце приближалось к верхушкам деревьев, недавно освещенный берег уже находился в тени. Степанов надел акваланг, приладил к голове фонарь, пристегнул к голени нож – единственное свое оружие – и замер... В приемнике что-то затрещало, послышались глухие голоса... Вот они ближе, четче...

Марк и Толик вышвыривали из «Жигулей» все содержимое. Эдик и Бином – два очень похожих друг на друга узколобых амбала – стояли на стреме, а Николай Ильич со стороны наблюдал за работой своей команды. Марк поднес ему удостоверение Степанова, тот еще раз изучил его внимательно и спрятал в карман.

На траву летели инструменты, спальные принадлежности, продукты. Толику многое из чужих вещей нравилось, и он, профессиональный вор-карманник, хотел хотя бы что-то стащить, но боялся!

Грязная брань не прекращалась ни на минуту, всем хотелось поскорее закончить дело.

– Хватит... – неожиданно произнес Круглов и сделал знак всем отойти от машины. Когда команда была исполнена, он медленно обошел «шестерку», прошупал всю ее цепким взглядом, затем заглянул внутрь и обратил внимание на неприметный проводничок, едва торчавший из пулевого отверстия в стойке машины, потянул за него и извлек крохотный радиомикрофон. На потном лице появилась торжествующая улыбка: только две-три минуты назад в голове повторилась запечатленная еще утром мгновенная картинка – Степанов в не совсем обычной позе что-то делал в задней стойке внутри салона! И вот вспомнил! Да как вовремя!

Не говоря ни слова, Круглов показал своим друзьям интересную находку, пора было кончать игру. Он поднес микрофон к губам...

Солнце освещало лодку Степанова, он сидел в ней не шевелясь, понимая, что дело обрело самый дурной оборот: речь шла о его жизни. Словно в подтверждение этого очень громко, будто совсем рядом, из приемника послышался голос Круглова:

– Владимир Петрович! Надеюсь, вы меня слышите? Алло... Владимир Петрович, возвращайтесь к машине. Нам будет о чем поговорить с вами... Не делайте глупостей... Возвращайтесь...

Затем послышался легкий хруст и... тишина. Раздумья Степанова длились недолго. Задвинув антенну и надев маску, он мягко соскользнул в воду.

Круглов все еще сжимал в кулаке радиомикрофонный чип, и торжествующая улыбка не сходила с его лица.

– Такие штучки в магазинах не продают. – Он открыл ладонь, полюбовался хитрым устройством и резким движением выдернул из него проводничок-антенну. – Живо лодку! Оружие! Постарайтесь взять живым: мы узнаем, кто его всему этому научил и кто еще последует за

ним сюда! А потом плот подгоните, машину на него со всем барахлом, и – в омут на середине озера! А номера – в другом месте утопите!

Он прыгнул в уазик, за ним последовали остальные. Вездеход круто развернулся и помчался в деревушку, оставленную на попечение одного Профессора.

В стране начиналась смута, или, как говорили политические лидеры, очередная фаза переходного периода. Для Круглова – замечательная пора, звездная минута. С одной стороны, по официальной доктрине, в стране не было организованной преступности, а следовательно, не было и специальной государственной программы борьбы с нею, а с другой стороны – еще не народились, не выросли конкуренты, не поделены сферы влияния. О чем большем мог мечтать новый русский бизнесмен?

И тем не менее осторожности, бдительности Круглов не терял ни на минуту.

Если история с самолетом теперь интересовала его не больше, чем передовица в «Правде», – все драгоценности и золото давно были подняты и переправлены в надежное место, – то бизнес с запрещенными веществами требовал денно и ночно держать ушки на макушке. Если очередной пилот – очередная случайность – во что верилось с трудом! – все просто: исчезнет, испарится заезжий рыболов – озеро большое! А если нет?.. От резкого торможения Круглов налетел на Марка, сидевшего напротив него.

– Придурок! – крикнул он на Толика. – Сколько раз говорил тебе не тормозить так!

Через несколько минут все необходимое было загружено в лодку, и Марк завел мотор.

Круглов успокоился и наблюдал за работой команды, отмечая про себя, как четко и красиво работали его головорезы. Тяжело осевшая резиновая лодка, когда-то принадлежавшая военным морякам-спасателям, окуталась синим дымом и рванула с места.

– Никуда не уходите... – сказал он двум телохранителям и пошел в дом. Кобель Буран хотел проскользнуть за ним в открытую дверь, но он не пустил его в дом.

Он сел в кресло и задумался. Не пора ли со всем этим кончать? Золото, драгоценности, обращенные в доллары, давно лежали в надежных зарубежных банках, кусок земли с налаженным хозяйством и старинным домом ждал его на берегу океана в гостеприимной зеленой стране, любимая женщина присылала письма и открытки с красивыми видами... Все так... Но можно ли бросать с таким трудом налаженную и безотказно действующую систему добычи денег, по эффективности не сравнимую ни с какими кладами?! И он в этой системе не тихая неприметная букашка, а властелин... Царь! Он выпил маленький глоток коньяка и, не скрывая отвращения, сбросил с себя маскарадный чесучовый костюм, пнул его ногой поближе к двери и облачился в красивую, приобретенную в «Березке» английскую пижаму.

Эта комната была его рабочим кабинетом, спальней. Здесь он предавался мечтам и грустным воспоминаниям. Очень изредка, на одну ночь, «для гигиены организма», появлялись женщины...

Глава 12

Звук любого мотора разносится под водой на многие километры, но Степанов не слышал, как мчалась по озеру, приближаясь к нему, лодка с бандитами. Громкий, возбуждающий шелест электрических разрядов переполнял его. Прямо под ним лежал с распластанными крыльями немецкий пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-87». Последние солнечные лучи, с трудом пробив мутную толщу воды, едва освещали его мрачный силуэт. Дно вокруг дышало – били родники, они поднимали облачка песка и трепали водоросли. Самолет покоился на огромном валуне и уже более сорока лет омывался чистыми подземными водами.

Он прекрасно сохранился и мог стать достойным экспонатом любого авиационного музея. Степанов обстоятельно рассматривал его со всех сторон, шаря узким лучом фонаря по плоскостям и фюзеляжу. Вот луч уперся в темный провал открытого люка, но он оказался настолько мал, что проникнуть в него с аквалангом не представлялось возможным. Степанов просунул голову, посветил внутри, ему показалось, что он заметил присыпанный донным песком блестящий предмет, попытался дотянуться до него рукой, но не вышло. Он подплыл к плексигласовому колпаку кабины; к его счастью и еще большему удивлению, он легко сдвинулся – стало быть, кто-то здесь уже побывал! Его сердце никогда не билось так часто и сильно.

Раздвигая руками провода, остатки внутренней обшивки, он пробирался в сужавшееся чрево самолета, напуганные светом серебристые рыбешки разлетались по сторонам. И вдруг шелест разрядов, удары сердца, мириады рыбешек – все исчезло... На покореженных листах обшивки самолета в свете фонаря лежал обглоданный рыбами скелет человека.

Пятно света двигалось по тазовым костям, бедренным... в кольце стальной проволоки лежали рассыпавшиеся кости ног. На поясице тряпка – то, что осталось от плавок. Степанов прощупал ее, извлек из кармана какой-то плоский предмет, стер с него налет песка, поднес к свету и сразу узнал – это был квадратный амулет с изображением Георгия Победоносца, с которым никогда не расставался второй пилот Кеша Мечников... Степанов расслабился и какое-то время не мог отвести от амулета глаз, наконец, спрятал его в карман своих плавок и продолжил обследование останков друга.

Теперь он не сомневался, что это был именно он. Череп лежал отдельно от позвоночника, в нем жили крохотные рыбки... Луч фонаря медленно полз от плеча по руке точнее, по тому, что от нее осталось... Степанов снял с фаланги болтавшееся кольцо и тоже спрятал в карман плавок. Точка была поставлена. Он освободился от неимоверной тяжести, мучившей его все дни с того момента, когда он увидел на дне Мексиканского залива загадочное свечение... Все это оказалось явью, правдой, он действительно увидел Кешу Мечникова в фюзеляже лежащего на дне озера немецкого самолета, находясь при этом по другую сторону земного шара! Но как это стало возможным, какие процессы в те короткие мгновенья происходили в атмосфере, космосе и в нем самом, наверное, никогда не будет разгадано человеком...

Выбраться из узкого фюзеляжа оказалось куда сложнее, чем проникнуть в него. Работая кистями рук, стараясь не пораниться и не повредить акваланг, он осторожно пятился к выходу... Неожиданно что-то зацепилось за палец... Золотая цепь... Степанов подержал ее в руке и, подумав, ткнул в песок на прежнее место, а через секунду заметил, что находится над бомбовым люком с комплектом бомб на замках бомбодержателей.

С еще большей осторожностью он выбрался из бомбардировщика, отключил электрический фонарь и, не спуская с него глаз, стал подниматься. Выше... выше... и вот самолет поглотился тьмой. Он пощупал карман плавок – доказательства были на месте; наконец-то была поставлена окончательная точка в этой таинственной истории, он облегченно вздохнул и поднял взгляд к поверхности воды, но тут же замер от неожиданности: с боков его лодки свешивались две пары ног!

Да, с окончательной точкой Степанов явно поспешил, от смертельных врагов его отделили несколько метров воды, и лишь благодаря аквалангу замкнутого цикла, не выпускающему на поверхность воздушных пузырей, он остался в эти минуты жив. Немного подумав, он резко изменил курс и исчез в глубине холодных озерных вод...

В лодке Степанова сидели с автоматами на коленях Марк и Профессор. Первый – решительно-грозен, второй – апатичен и вял, оба уже успели выбрать из воды ноги. Из магнитолы звучала музыка – старинные романсы. На поверхность воды иногда набегала легкая рябь.

– Никуда он от нас не денется! – Марк с удовольствием сплюнул. – Косяками пошли: летчики, студенты... Завтра, глядишь, и легавые нагрянут!.. Кровь будет! Большая кровь! Она уже полилась! – глаза Марка загорелись, порция разгладила нервы и душу, сделала существование приятным. – Полилась...

– Марк... Тебе было когда-нибудь стыдно? – Профессор поднял на него взгляд.

– Мне? Стыдно?! – Марк качнулся вперед, массивный серебряный крест с распятием отделился от широкой волосатой груди и повис на цепочке, выпученными глазами он испепелял Профессора.

– Ты носишь крест, а сам проливаешь чужую кровь... И с радостью ждешь еще большей крови... – Профессор говорил равнодушно.

– С радостью?! – Глаза Марка недобро сощурились, он еще больше подался вперед и усмехнулся. – С радостью... Балерина любит танцевать, а убийца убивать... Послушай, Профессор... Интеллигент вонючий! Посмотрел бы ты на работу в джунглях Анголы Марка Саблина, зеленого берета из Советского Союза! Что там Сонгми и капитан Келли! Я не родился убийцей, я не хотел убивать, но убивал много лет и против всяких правил остался жив и вернулся домой, на ту родную землю, где меня научили единственной профессии – убивать, вшив, что я исполняю интернациональный долг! Взамен обещали квартиру, ордена, повышенную пенсию, не говоря уж о великом почете! Ха-ха-ха... – Лицо его исказила гримаса боли и злобы. – Мне все так щедро обещали, потому что знали – живым не вернусь. Не те условия. А я вернулся... И уж теперь-то точно хочу убивать! – На некотором расстоянии дрейфовала лодка с Худым, который обшаривал через бинокль заболоченный берег. – Предлагали к Сомосе поступить, а я, дурак, отказался... В Союз вернулся... за квартирой и почестями...

– Женился бы... – практически посоветовал Профессор.

– Пробовал...

– Вешаться надо...

– Это ты мне? – Марк мрачно посмотрел на Профессора.

– Себе тоже.

– Вешайся на здоровье! Только когда этот поц появится, не спеши стрелять!

– А я и не собираюсь ни в кого стрелять! Я занимался по другой части...

– Ну, вшивота! Ну, падла! Профессор вонючий! Да я тебя заставлю собственноручно разорвать глотку этому летчику, чистюля дерьмовый! – взорвался Марк и отбросил на дно лодки автомат. – Тебе только эти руки страшными кажутся! – Он потрясал перед лицом Профессора своими руками. – Эти! Эти?! Нет, я покажу тебе, на что способны твои собственные невинные ручки! Я... – И тут только Марк заметил, что в его грудь упирался ствол автомата, затвор был взведен, указательный палец правой руки Профессора лежал на спусковом крючке, и глаза его ничего хорошего не выражали. Марк опешил. – Ты... ты что, Саша?! Да я... Да ты... – он безошибочно оценил ситуацию, все преимущества были на стороне Профессора. Если бы подобное произошло в прежней жизни Марка, то его давно бы уже не было. Он-то и остался жив, потому что никогда не расставался с автоматом, потому что даже во сне держал палец на спусковом крючке и всегда стрелял первым...

Он чувствовал, как похолодела спина, как язык прилип к небу и как померкла вдруг жизнь. Он не мог отвести взгляда от чужого пальца, лежавшего на спусковом крючке. Смерть была реальна как никогда.

– Извинись, гнида... – меланхолично произнес Профессор.

У Марка вырвался вздох облегчения.

– Да... да... конечно... – сбивчиво, с трудом и не сразу начал он. – Извини... Прости... Все мы устали... Прости! – Лицо его покрылось потом. – Да убери ты, не могу так... Кошмары по ночам снятся... От этих ныряний я оглох, очумел совсем... Самолеты, бриллианты, бомбы... Каждую минуту жизнь на волоске... Кровью зальемся, ох зальемся... Пора кончать... У каждого из нас по пять лимонов в швейцарских банках...

– И ты веришь? – Профессор спустил затвор и бросил автомат на дно лодки.

Марк смотрел на него, постепенно успокаиваясь, но все еще часто дыша.

– Что?..

Профессор казался усталым и равнодушным, он смотрел на свои руки.

– Эти руки давно в крови... Они не лучше твоих... Я заслужил смерть, как только связался с вами...

Последние слова насторожили Марка.

...Худой прощупывал биноклем берег. Сам факт, что он видел роящихся над травой комаров, зачаровывал его. Он так увлекся, что не замечал давно погасшей и прилипшей к губе сигареты. Он медленно перемещал бинокль вправо... И надо же было такому случиться, что именно в том месте, откуда он только что «ушел», зашевелилась трава, неровно заколыхался тростник, – это выбравшийся на берег Степанов, стараясь не выдать себя, стягивал с плеча лямку акваланга.

Что-то заставило Худого двинуть бинокль в обратную сторону, и тут же он увидел Степанова.

– Ушел! – истошно завопил он и бросился к мотору. Степанов понял, что обнаружен. Он лихорадочно натянул на себя акваланг и, пока моторка заводилась, пока притормаживала, чтобы забрать Марка и Профессора, и пока наконец достигла заболоченного берега, скрылся под водой.

Лодка еще качалась на поднятых волнах, а Марк и Худой уже стреляли длинными очередями, скашивая траву и поднимая фонтаны воды и грязи. Профессор демонстративно смотрел в другую сторону.

– Надо его было там, под водой, брать, как того в прошлом году! – зло сказал Худой, когда в рожке закончились патроны.

– Надо, надо! А кто должен был акваланги воздухом зарядить?! Забыл?! – рявкнул в его сторону Марк.

– Да ладно... Куда он денется?! – Худой выскочил из лодки и стал яростно вытаптывать траву мелководья.

– Будет он тебя здесь ждать! – Марк подул в раскаленный ствол автомата, потом пристально посмотрел в спину Профессора.

Солнце село, над озером сгустились сумерки.

Круглов сидел в своей комнате, уютной, сухой, освещенной лампой-мастер. Перед ним лежали открытая женская сумочка с драгоценностями, кисточка, кое-какие деликатные инструменты, используемые ювелирами, пузырьки с жидкостями, бумаги... В ящике стола под замком лежал зарегистрированный на работавшую в соседней области археологическую экспедицию радиотелефон...

За стенами глухо, почти не слышно, тархтел упрятанный под землю движок электростанции; оба окна были закрыты изнутри массивными деревянными щитами.

Круглов пребывал в глубоком раздумье. Интуиция еще в прошлом году подсказывала ему, что с летней базой на Холодном пора кончать, все дела были сделаны, клад поднят, загранпаспорт в овире выправлен и опробован двумя туристическими поездками, в Болгарию и Англию. Бизнес на запрещенных веществах становился опасным и, главное, совершенно ненужным лично ему, и тем не менее было нечто такое, что не позволяло ему выйти из игры. Это нечто было сильнее страха, интуиции и всякого разума. Власть над людьми, с которой он познакомился благодаря деньгам, к которой он привык, которая стала неотъемлемой частью его существования, была сладка и упоительна и ни в какое сравнение не шла даже с самым сильным запрещенным веществом. Угнетало его лишь то, что властью он мог упиваться тайно, не попадаясь никому на слух или глаза. Но даже от такой, ущемленной, власти кто-нибудь добровольно отказывался?

Круглов еще раз внимательно изучил удостоверение Степанова и достал из стола трубку радиотелефона, присоединился к внешней антенне и набрал номер. Долго ждал, наконец услышал голос нужного человека.

– Гасан, дорогой! Хорошо, что застал тебя! – тоном простачка кричал в трубку Круглов. – Гость-то наш заболел! Володька! Ну да, Владимир Петрович Степанов! Так что задержится он у нас... Ты сходи к нему домой, прямо сейчас, и скажи, чтобы не волновались, ничего страшного, простуда... Да, и это, как его, Прошке вели, чтобы на работе пошустрил, они с ним в одной конторе вкалывают. Не тяни. Будь здоров... – Николай Ильич отсоединил от антенны радиотелефон и положил его на прежнее место, усмехнулся едва заметно и с удовольствием отпил глоток холодного кофе из антикварной чашечки, отодвинул ее и взял в руки кольцо с бриллиантом, кисточку, смахнул пыль и положил кольцо в сумочку.

Теперь он был спокоен. Почти спокоен. Во всяком случае, он не сомневался в том, что Гасан – исполнитель всех рискованных заданий – в самые ближайшие часы узнает о пилоте Степанове все, что нужно, от любителя сладкой жизни, высокопоставленного чиновника аэропорта Шереметьево-2 Прокофия Андреевича Крюкова, и не только наведается в дом Степанова, но и тотчас доложит об исполнении...

Круглов откинулся на спинку кресла, нажал кнопку на краю стола.

На пороге появился Толик с автоматом, глаза его блеснули при виде сумочки с драгоценностями и тут же погасли, но разве могло это ускользнуть от Круглова, однако хозяин в данную минуту был благодушен.

– Милый Толик... Ты очень богатый человек, но в душе так и остался мелким воришкой. Когда-нибудь твоя жадность тебя же и погубит. Лучше нам расстаться... – он смотрел на трясущегося от страха Толика и испытывал наслаждение. – И вообще, почему ты торчишь здесь?

– Эдик и Бином пилота ищут, так Марк велел... Они и Бурана взяли!

– Открой окно... Душно...

Не расставаясь с автоматом, Толик сдвинул маскировочный щит и отворил окно.

– На поляне чисто?

– Машину утопили, барахло сожгли...

– Все сожгли?

– Все! А лодку затопили на середине озера...

– А студенты?

– Утром уберем...

Николай Ильич кивнул на переговорник уоки-токи.

– Молчат раззявы... А ведь пилот уже вышел на берег! – Он глянул на часы. – Ни в одном акваланге столько воздуха нет.

– Уйти невозможно... Утром он будет стоять перед вами на коленях... Так Марк сказал.

– Видишь, обстановка какая?... Надо срочно вывезти готовую продукцию. Повезешь ты... Нашему небесному придурку даже это поручить нельзя – спяну все высыпет над полем... –

Круглов тяжело вздохнул. – А с сырьем повременить придется... Ничего у них не бери... И пилот этот... И студенты... – Круглов потер пальцами виски. – Как бы не пришлось сворачиваться раньше времени...

Глава 13

Степанов выполз на берег на последних глотках воздуха, акваланг был пуст. Он долго лежал, жадно дыша и не имея сил подняться. Тело дрожало от холода, зудели комары, где-то далеко лайнула собака...

Наконец высвободил из лямки руку и перевернулся на спину.

Высоко над горизонтом зависла Кассиопея, чуть левее – Большая Медведица, а над головой – Лебедь, за которым на некотором отдалении гнался Орел... Вот-вот должна была появиться луна, следовало как можно скорее уйти отсюда.

Он поднялся и, почувствовав боль в левом плече, прижал к нему руку. Теплая липкая кровь текла по пальцам. Ранение было касательным и не опасным. Степанов с трудом стянул акваланг, спрятал его в кустах и, выбрав направление, скрылся в чаще...

Круглов нервничал: прошло столько времени, а он не имел никаких известий от Марка и Худого. Он сел за стол, смахивал с какой-нибудь броши или бриллианта пылинку и снова принимался ходить взад-вперед по комнате.

В соседней избе, где размещались лаборатория и производственный цех, горел свет. Вдоль стены от пола до потолка стояли коробки с готовой продукцией, закамуфлированные под «Детское питание». В кресле-вертушке, повернувшись к открытому окну, сидел с закрытыми глазами Профессор и тоже о чем-то думал. О чем? Неизвестно. Но только не о будущем. Будущего у него не было. Он повернулся к столу, разломил приготовленную ампулу и сделал себе укол снотворного, бросил на пол шприц и выключил свет. В открытое окно смотрела луна.

Сладкая истома разлилась по телу, исчезли тоска и мрак, зато появились свет и много-много сил. Не появилось только желания жить... Где-то далеко тихую ночь прошла автоматная очередь, но Профессор улыбался и не слышал ее. Он спал...

Степанов шел, падал, бежал и снова падал... и снова бежал, не обходя луж и болотных заводей. Луна висела слишком низко, дорога едва угадывалась, и лес ни разу не расступился, чтобы по звездам можно было скорректировать направление.

Неожиданно сверху спикировала с пронзительным криком птица – он уже слышал такой крик! – едва не задев его крылом, она взмыла ввысь, оставив за собой трепет листьев и веток.

Он прошел еще немного и без сил опустился на землю, потрогал рану – она медленно кровоточила. Привязанный к ноге нож был тяжелее гири, и он готов был бросить его, но и на это не оказалось сил. Далеко-далеко, словно из другого мира, долетел звук приближавшегося самолета. Ил-62, на слух определил он. В просвете между деревьями сверкнули проблесковые огни. Степанов с тоской проводил удалявшийся самолет и пошел дальше.

Лес стал реже, дорога как бы расчищалась, вскоре он снова остановился: посреди лужи лежали мотоцикл и распластанные тела двух парней. Один в кожаной безрукавке на голое тело, а другой с крепко зажатым в руке автомобильным насосом и как бы подсунутым под себя мольбертом. Оба были мертвы, и Степанов узнал их.

– Не двигаться! Руки на затылок!

Ствол автомата упирался в спину Степанова.

Дальнейшее произошло мгновенно: еще не стихло эхо короткой автоматной очереди, а тело бандита с ножом в сердце оседало на землю.

Степанов схватил автомат и, заняв боевую стойку, обвел им вокруг себя, взглянул на убитого.

– Привет черным следопытам... – тяжело дыша, произнес он шепотом и перекрестился, вытер о мокрую траву нож и пристегнул к ноге.

Вдали слышались крики людей и лай собаки. Степанов понял, что обнаружен, но теперь он был вооружен. Взгляд задержался на мотоцикле, и он решил рискнуть. Повесил автомат на шею, с трудом поднял мотоцикл, развернул его и стал заводить.

Лай приближался, уже слышались отдельные крики Марка и Худого.

– Пусти, пусти ее! Пусти!

– Да сейчас... Сейчас! Поводок натянулся!

– С поводком пускай!

Степанов упорно дергал ногой рычаг мотора, тот чихал, но не заводился, а погоня была уже совсем рядом – разъяренный пес захлебывался в лае. Степанов хотел уже бросить мотоцикл и занять огневую позицию, чтобы встретить бандитов, но мотор, вдруг завелся! Лес наполнился оглушительным треском, стальной конь ожил!

Степанов сел на него и рванул с места. Колеса, оружие и пучок света на разухабистой дороге – о чем большем можно было мечтать в его положении?!

Первые десять или пятнадцать минут он гнал мотоцикл на бешеной скорости, каждая лужа, каждая кочка или камень могли вышвырнуть его из сиденья, лишиться жизни, но счастье, казалось, повернулось к нему лицом.

В густых кустах у ограды своего дома притаился старик. Уже второй день слышал он со стороны озера автоматные очереди, и тревожные чувства овладевали им: эти выстрелы он связывал с появлением на озере человека, который понравился ему и за жизнь которого он теперь переживал.

Вдали плясал на кочках и быстро приближался луч фары мотоцикла, старик взвел затвор немецкого карабина и сдвинул на затылок зимний трехх, на какой-то миг свет ослепил его. Обдав грохотом и грязью, мотоцикл промчался мимо и скрылся во тьме, но старик успел заметить, что на нем были не парни, а голый человек, и ему даже показалось, что он узнал в нем своего гостя.

А в это время взбешенный Николай Ильич шипел в уоки-токи:

– Идиоты! Кретины! Я разотру вас! Размажу как мух!

Из динамика слышался задыхающийся от бега голос Марка:

– Буран зацепился поводком за сук! За сук зацепился! Пилот уже был в наших руках!

– Раззявы! – От гнева у Николая Ильича сорвался голос.

– Но я его возьму! Живьем возьму! Предупредите Гориллу!..

Круглов швырнул переговорник в стену.

Не замечая ни времени, ни расстояния, Степанов промчался по лесной дороге от Холодного до бензоколонки. К огромному счастью, он увидел на перекрестке, как раз у выцветшего указателя «Буяново – Маргополь», гаишный уазик и лихо затормозил перед ним.

Капитан-мордovorot, словно ожидая его, стоял с жезлом перед машиной и озадаченно смотрел на голого мотоциклиста с автоматом на груди. Если бы не перевозбужденное состояние Степанова, не обрушившаяся на него мгновенная радость от встречи с ментом, он бы, верно, заметил на лице его не только растерянность, неизбежную при встрече с вооруженным человеком, но и нечто иное: мент ждал его! Но ничего подобного он не заметил.

– На Холодном банда... Вооружены автоматами... – захлебываясь собственным неровным дыханием, сообщил он.

– Вам нужна медицинская помощь! – капитан смотрел на кровоточащую рану, и на лице его уже не было ни растерянности, ни испуга.

– Нет, потом... У вас есть рация?! Вызывайте десантников!

Степанов не сомневался, что все самое страшное позади, жизнь его вне опасности, а все бандиты вот-вот будут схвачены и строго наказаны! Ведь перед ним был представитель власти самой могучей державы, где что-то, а уж функционирование «порядка» было отлажено в мельчайших деталях! Все было ясно и просто: сообщение по рации, сигнал тревоги – и через

час все озеро и подходы к нему будут блокированы десантниками! Слышанное ли дело: бандиты вооружены автоматами!

Но, видимо, Степанов слишком высоко и далеко летал и слишком надолго покидал родные пенаты. Он как-то не заметил, что жизнь в Союзе вошла в очередной крутой вираж.

– Рация есть... Сейчас... Это мы мигом... Садитесь ко мне, я помогу вам! – Капитан взял под локоть Степанова, а тот настолько расслабился, что даже застонал. – Потерпите немного! – Он открыл дверку и, заботливо сняв автомат, помог сесть на переднее сиденье, но, прежде чем закрыть дверку, пустил в лицо ему изрядную порцию газа из баллончика. Степанов мгновенно отключился. – Банда, говоришь... – Прищутив глаза, капитан пристально посмотрел на дремавшую заправщицу в светящемся окне. Мимо не прошла ни одна машина. Убедившись, что работа выполнена чисто, вытер рукавом лицо, откатил и бросил в кювет мотоцикл, дождался, пока проветрилась машина, после чего снял с ремня наручники. Не торопясь, испытывая и продлевая удовольствие, надел их на руки Степанова и специальным приспособлением намертво прикрепил их к стальной скобе перед сиденьем, слегка подумал и скрутил припасенной на всякий случай веревкой ноги пленника. Они были в крови и ссадинах. Задержал взгляд на окровавленном ноже, но не прикоснулся к нему... – Банда... – Он грязно выругался, захлопнул дверку и, прислушавшись к тишине, обошел машину, сел за руль. Он, и никто другой, был здесь хозяином.

Волны, поднятые Степановым на Холодном, гуляли и по Москве. Друзья Круглова, спаянные общим делом, выполнили распоряжение решительно и быстро. Несмотря на позднее время, узнали и передали ему по радиотелефону все данные из личного дела пилота Шереметьевского подразделения «Аэрофлота» Степанова Владимира Петровича, и более того – посетили его квартиру.

Поздно ночью Гасан поднялся в лифте на восьмой этаж дома по проспекту Вернадского, послушал тишину, осмотрелся – подъезд спал. Нисколько не волнуясь, подошел к двери квартиры 123, надел перчатки, достал кусачки, внимательно изучил покрашенные краской провода, после чего перекусил их, не забыв посмотреть на щиток с электросчетчиком – бегунок в счетчике квартиры 123 стоял на месте. Гасан надел на пистолет глушитель и только после этого принялся за дверь. Ключи к замкам подобралась не сразу, но и эта часть операции была успешно преодолена... Дверь скрипнула. Гасан знал, что в квартире никого нет, но на всякий случай, затаившись, постоял на пороге – ни один шорох не нарушил тишины. Он прикрыл за собой дверь и включил фонарь...

Квартира оказалась пустой. Он усмехнулся и спрятал в карман пистолет и фонарь. Включил свет и в первую очередь проверил телефон – правильно ли перекусил провода? – он молчал. Еще раз обошел комнаты. Заглянул в шкафы и столы, вытряхивая содержимое на пол. Вернулся к письменному столу и еще раз посмотрел на раскрытую книгу – «Определитель самолетов», вырвал и спрятал в карман страницу с изображением «Юнкерса-87». Трудно было понять, что искал этот человек в квартире Степанова, похоже, что он и сам не знал этого. В конце концов он достал из кармана плаща кусок пластита и приладил к нему короткий бикфордов шнур и огарок свечи – получилась бомба, уложил устройство на рабочем столе Степанова, зажег свечку и, выключив свет, бесшумно покинул квартиру.

Через несколько минут он уже сидел в припаркованной поодаль машине и курил сигарету, поглядывая через стекло на дом. В одном из окон на восьмом этаже раздался взрыв, вспыхнуло пламя. Гасан включил двигатель, и машина скрылась за ближайшим поворотом.

Через полчаса у него состоялся разговор с Кругловым по радиотелефону:

– Я был у Володи дома, но никого не застал... Он такой ремонт затеял в квартире! Соседи говорят, очень надолго, а так все в порядке... – Гасан сидел в кресле в накинутом на тело махровом халате, курил сигарету, прижимая трубку плечом к уху и одновременно разглаживая страничку из «Определителя самолетов».

– Ремонт – это хорошо... Лето – самый подходящий момент, – удовлетворенно согласился Круглов. – Но все же лучше отдыхать летом, а не ремонтом заниматься. Я тут такую шуку поймал; на дохлую птичку клюнула... Только что с ней теперь делать, одному не съесть, в Москву не потащишь – смешно! Пропадет!

– Не жалей... Прислал бы свежих грибочков!

– Завтра оказия будет, передам... Не забывай. Привет всем...

Гасан ткнул в пепельницу окурков. Стенные часы показывали четыре утра.

Закончив разговор, Круглов отсоединил антенну, прошелся по кабинету; осознание собственной силы, значимости и того, что все вновь находится под его контролем, наполняло приятным волнением.

На полу у бревенчатой стены лежал без чувств избитый Степанов, из раны в груди сочилась кровь. Овчарка, положив голову на лапы, наблюдала в полудреме за пленником.

Круглов остановился перед Степановым и долго смотрел на него, ему показалось, что он не дышит. Придавил ногой палец руки, но тот не шелохнулся и не издал ни звука, тогда Круглов склонился над ним и пощупал пульс... Он долго не поднимался, с любопытством и глубоко спрятанным страхом почти в упор рассматривал лицо, будто пытаясь открыть для себя какой-то особый секрет этого человека. О чем думал в эту минуту Круглов, знал только Бог, но одно было ясно: открой Степанов глаза, Круглов убил бы его немедленно.

– Завтра поговорим, голубчик... – сказал он совсем не то, что думал, и выпрямился. – Охраняй, Буран! А мы тоже поспим...

Он выключил настольную лампу-мастер и лег на кровать. Но не уснул. Чувство покоя исчезло так же внезапно, как и появилось.

Кто-то упорно дышал ему в затылок, наступал на пятки. Почти полвека пролежал на дне самолет, и никто им не интересовался, а теперь вдруг все о нем знают! И все хотят залезть внутрь, что-то найти там... Конечно, такое дело одному не свалить, задействовано было много людей, и кто-то проболтался... Но этот кто-то мог проболтаться и о главном! Тогда дело плохо... Кто? Кто он?.. Может, Профессор? Круглов припомнил, как несколько дней назад он застал Профессора в лаборатории за странным занятием: тот рисовал. Не сдержав любопытства, Круглов подошел ближе: красным карандашом на листе была изображена перекладка с бесчисленным количеством висельников.

– Я погибаюсь... – сказал тогда Профессор, подняв усталые глаза. – Не знаю, в чем дело... Загибаюсь... Я кончился... Отпусти меня.

– Подумаю... – не сразу ответил Круглов.

Он давно знал, что Профессор пользовался своим изделием, и не придавал этому большого значения, потому что и на Профессора, и на любого из своих товарищей ему было глубоко наплевать. Подохнет, и ладно... Главное, чтобы не ушел... Из такого дела никто просто так не может выйти. В тот день что-то отвлекло Круглова, и он забыл о Профессоре, а вот теперь... Может, и в самом деле проболтался именно он?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.